

Сергей Царёв

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Последние дни 2011 года

Сергей Царев

**Предательство.
Последние дни 2011 года**

Издательство "Автор-Онлайн"

2016

Царев С.

Предательство. Последние дни 2011 года / С. Царев —
Издательство "Автор-Онлайн", 2016

Главный герой романа – Сергей Георгиевич, ректор одного из московских университетов, в одиночку борется с коррумпированными чиновниками из Министерства образования. Он из тех людей, которых, к счастью, не так мало в современной России. Им не свойственно равнодушное отношение к жизни, это люди с активной жизненной позицией и чистой совестью. Главный герой приходит к выводу о необходимости политических реформ, кризисе политической системы, модернизации государственных органов, коренных изменениях в стране. Похоже, что у него есть ответ на вопрос: «Как победить коррупцию?»

© Царев С., 2016
© Издательство "Автор-
Онлайн", 2016

Содержание

День первый	5
Утро	5
День первый, полдень	63
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Царёв

Предательство.

Последние дни 2011 года

День первый

Утро

Не было и трех часов утра, когда Сергей Георгиевич неожиданно проснулся. Пролетав минут пять, он тихо, чтобы не разбудить Татьяну Александровну, супругу, встал и надел халат. Подойдя к окну, слегка раздвинул шторы и посмотрел на уличный фонарь, который освещал падающий снег – мелкий, похожий на крупу. На свету хорошо были видны вертикальные потоки ниспадающего снега, они поглощали все, делали контуры предметов округлыми, а сами предметы – однотонными. За ночь снега намело сантиметров десять.

Деревня спала. На улице стояла звенящая тишина. Так бывает, когда идет снег. Снежинки словно придавливают звук, не давая ему оторваться от земли. Отдельные же снежинки отсвечивали падающий на них свет фонаря голубовато-синим цветом. На мгновение вспыхивали маленькие звездочки салюта. Ночная зимняя сказка.

Перед выездом придется долго убирать снег с машины, подумал Сергей Георгиевич. Под снегом, очевидно, слой льда – предыдущим днем была небольшая оттепель. Его машина стояла во дворе деревенского дома.

- Не спится? – неожиданно спросила Татьяна Александровна.
- Да, проснулся и не знаю, что делать. Ехать в Москву еще рано.
- Включи телевизор, – предложила супруга.
- Нет, пойду в кабинет. А ты поспи еще немного.
- Может быть, поедешь днем? Встреча у тебя во второй половине?
- Опять в пробках стоять? Лучше в квартире что-нибудь поделать. Может быть, немного посплю, – с сомнением произнес Сергей Георгиевич, – или поработаю.
- Ладно, я будильник поставила как обычно, на полпятого, – предупредила Татьяна Александровна. – Скоро встану.

Пока компьютер загружался, Сергей Георгиевич просматривал свои черновые записи. По краткосрочному договору он работал консультантом по инновационным вопросам в одной компании, и вечером предстояло обсудить несколько документов. На одной странице черновика документа Сергей Георгиевич обнаружил запись: «Путин? Путин! Медведев, Медведев... обманул». Эта запись была сделана машинально, возможно, во время разговора. Что-то тревожило его в тот момент. И эта тревога не прошла.

Конец года выдался бурным – выборы в Госдуму, митинги оппозиции и сторонников Путина. Страна меняется, только куда мы придем? Вопрос, который беспокоил, на который не было ответа. И как все это отразится на семье? На будущем внука?

* * *

24 сентября 2011 года, вечер. Сергей Георгиевич вышел из кабинета, где работал и одновременно, вполглаза, смотрел новостную программу по телевизору. Тихо зашел на кухню. По его лицу было очевидно – что-то случилось. Таким расстроенным мужа Татьяна

Александровна не видела давно. Пожалуй, только один раз, когда он пришел и сказал, что операция на сердце неизбежна. И не страх был тому причиной, она знала, что он фаталист, боли не боится и страха перед медициной не ощущал. Была, скорее всего, обида и горечь, что что-то не успел сделать, что-то пропустил и упустил, не просчитал, какие-то дела придется отложить.

– Что случилось? – встревоженно спросила Татьяна Александровна.

Сергей Георгиевич какое-то время молчал, словно оценивал то, что произошло. Потом собрался духом и с легкой усмешкой произнес:

– Рокировка.

– Что? Какая рокировка? – с тревогой переспросила Татьяна Александровна, которая серьезно встревожилась ответом мужа.

– Какая, какая, – раздраженно произнес он. – Плохая! Медведев решил поменяться с Путиным местами.

– Как так может быть?!

– У нас, оказывается, может быть, у нас все может быть, если власть захочет, – Сергей Георгиевич говорил и злился. – Представляешь, вышел Медведев и сказал, что президентом должен быть Путин. А Путин вышел на трибуну и сказал, что если его изберут президентом, премьер-министром он назначит Медведева. Вот такая рокировка.

Возникла пауза. Татьяна Александровна не знала, что сказать, но было видно, что и она расстроилась.

– Зачем тогда Медведев морочил людям головы?

– Меня спрашиваешь? – злился Сергей Георгиевич. – Вышли и объявили. Хотя бы провели какой-то праймериз, чем-то обосновали. А тут неизвестно кто и как решал за весь народ.

– А как, действительно, объяснил это решение Медведев? – поинтересовалась Татьяна Александровна.

– У Путина более высокий рейтинг. Хотя, сама знаешь, как у нас считают нужных людей в нужное время в нужном месте с нужным ответом. Президент Медведев, который наметил политические реформы, говорил о необходимости изменения политической системы, предлагал провести модернизацию страны, добровольно отказывается от борьбы баллотироваться на второй срок, – после небольшой паузы продолжил Сергей Георгиевич. – Я это не могу понять. Не знаю, как назвать.

– Называется это предательство! – четко определила Татьяна Александровна. – Даже если ему выкручивали руки, он должен был выдвинуть свою кандидатуру на пост президента. Народ должен был решать, кого избрать...

– ...а не кучка людей, считающих себя элитой, – продолжил Сергей Георгиевич. – Жаль, что так сложилось. Жаль всех нас. Нам показали, чего мы стоим в их измерении и чего мы достойны.

** * **

Сергей Георгиевич вернулся в спальню минут через сорок, прилег и провалился. Это был короткий, но глубокий сон.

Прозвенел будильник. Татьяна Александровна быстро встала. За ней стал подниматься с постели и Сергей Георгиевич.

– Когда лег? – спросила она. – Удалось хоть немного поспать?

– Не знаю, когда лег, но заснул мгновенно. Провалился. Немного поспал.

Сергей Георгиевич хотел сказать жене, что видел странный сон, но воздержался – он сам не понял, что означает этот сон и к чему он.

* * *

Сергей Георгиевич редко видел сны. Чаще всего это были вещие сны. В день, когда его неожиданно освободили от должности ректора, он видел мрачный сон – пустые здания общежитий университета, без окон, без людей, только тени. Здания стояли в какой-то серой среде, которая поглощала и не пропускала звуки. Словно кем-то был введен запрет на звуки. Сами здания были отремонтированы, но какие-то трещины расползались на глазах Сергея Георгиевича, превращая стены в черные паутины.

Через год все подтвердилось – страх, нагоняемый новым ректором и его командой, заставил людей молчать. Профессионалов высокого уровня, у которых было свое мнение, заставили уйти из университета. Уровень преподавания резко упал, приезжие преподаватели, которых поселили в общежитии, больше думали о том, как угодить ректору, чем о совершенствовании учебного процесса. Это были не Учителя, это были тени. Университетские здания, лишённые научного творчества, стали голыми и серыми. Сон подтвердился, все сбылось.

Возможно, видеть вещие сны – наследственная черта. Мать Сергея Георгиевича, Александра Ивановна, жила за тысячу километров, но скрыть негатив от нее никогда не удавалось. Ограничивая в негативной информации, ей не сообщали о неприятных фактах и событиях, связанных с семьей, но она всегда их предчувствовала – видела сны. Обычно утром раздавался телефонный звонок, и родной голос в трубке начинал рассказ:

– Я видела сон... – Потом следовал вопрос: – У вас все в порядке?

Может быть, от нее он унаследовал эту способность видеть сны-предсказания? Только сны Сергея Георгиевича были чаще всего не личностными, они были обобщенными и иногда предсказывали будущее.

* * *

Сергей Георгиевич брился, при этом механические движения не контролировались – голова была занята эпизодами последнего сна. Он был каким-то сюрреалистическим. Огромная площадь была заполнена большим количеством людей. Удивительно, но все было видно, каждый видел лицо другого человека – толпа не заслоняла личность. По кругу водили людей разного возраста и с них срывали одежду. Под ней оказывалась другая одежда. И все повторялось заново, повторялись круги. При этом у народа не было злобы, жестокости. Весь процесс воспринимался как необходимость, некое очищение. Все воспринимали происходящее в качестве освобождения от ненужного, чего-то лишнего, сковывающего развитие личности.

– Что за люди, и почему их раздевают? – спросил Сергей Георгиевич.

Вопрос был задан всем. Ответил один, но Сергей Георгиевич его не видел:

– Это площадь Справедливости, она здесь правит бал. По кругу водят детей и внуков больших и маленьких правителей. Они возвращают то, что украли у народа их родители, деды и прадеды.

– Зачем воровать для детей и внуков, если все потом отнимается?

– А вдруг повезет? И избежишь кары, – ответил тот же голос. – Жадность, жадность... Правитель хочет всего: власти, богатства. Всего, что его возвеличивает над подчиненными. При этом он желает, чтобы его искренне любили.

– Бред, – спокойным тоном отреагировал Сергей Георгиевич. – Любовь за обнищание, за насилие?

– Бред, как часть лжи, – составляющая власти, – с усмешкой произнес голос.

В середине площади стоял памятник. Станный памятник.

– Что за памятник? – спросил Сергей Георгиевич.

– Памятник Жадности и Алчности.

– Странно, на площади Справедливости стоит памятник Жадности и Алчности.

Голос усмехнулся невежеству Сергея Георгиевича и пояснил:

– Когда правитель избавится от жадности и алчности, тогда он станет справедливым.

По-другому нельзя стать справедливым.

– Правитель, став справедливым после того, как он был жадным и алчным, не может переписать историю, вычеркнув тот этап своей жизни, – высказал свое мнение Сергей Георгиевич. – Несправедливость правления того этапа останется.

– А где взять правителя, справедливого до его прихода к власти? – задал вопрос голос.

– Не знаю.

– Чтобы стать правителем, надо перешагнуть через справедливость. А потом пытаться ее восстановить. Согласись, частичная справедливость лучше, чем без нее.

– Не уверен, – возразил Сергей Георгиевич.

– Почему? – удивленно спросил голос.

– Потому, что частичная справедливость создает иллюзию справедливости и позволяет эксплуатировать ее в интересах правителя.

Голос исчез, толпа неожиданно расступилась, и два человека, разговаривая между собой, шли, не обращая внимания на присутствующих.

Что за странный сон, подумал Сергей Георгиевич. Последнюю часть сна он не мог вспомнить, словно память закрыла доступ к ней и задвинула ее в отдаленную область. Убедившись, что потуги не дают ожидаемого результата, Сергей Георгиевич перестал бриться, провел рукой по чисто выбритой коже и, более не задерживаясь в ванной, направился на кухню.

* * *

Сергей Георгиевич сидел на маленькой кухне у Кетеван Арчиловны и рассматривал обои, которые много лет назад сам и клеил. Ничего не изменилось. Солнечный луч, пробившись сквозь листву деревьев, растущих в соседнем дворе, разделил кухню на две почти равные части. На две части была разделена и жизнь Сергея Георгиевича: в Тбилиси и Москве. Тбилисский этап жизни – насыщенный, красочный – связан с прошлым, беззаботным детством, яркими годами школьной и студенческой учебы, интересными годами научной работы и пестрым опытом освоения бизнеса. Но главное в этом этапе было общение между людьми, дружба и семья. Московский этап был еще коротким, но начался он в тяжелые и беспокойные 90-е годы, которые сотрясали Россию.

Кетеван Арчиловна, которая на минуту оставила Сергея Георгиевича, чтобы заглянуть в подвал, вернулась с кувшином домашнего вина. Раньше его готовил ее отец, но после его смерти виноград, росший во дворе, употреблялся только в еду. Сергей Георгиевич нежно потрогал прохладную глину кувшина, словно обратился к памяти. Он ничего не говорил, молчала и Кетеван Арчиловна. Каждый думал о своем. В этом доме они всегда оставались Сергеем и Кетино, несмотря на возраст, положение. Для этих стен неприемлемы Кетеван Арчиловна и Сергей Георгиевич, как неупотребительны отчества в Грузии.

Пауза затянулась, Сергей налил холодное вино в два стакана, быстро покрывшиеся испариной.

– Давай помянем наших отцов.

Сделав глоток, он замер, прикрыл глаза. Знакомый вкус вызвал массу воспоминаний.

– Не скукаешь по Тбилиси, старому дому?

– Бывает, – согласился Сергей Георгиевич, – не хватает общения, открытости. Вечно торопящийся идвигающийся мегаполис живет по своим правилам, там нет места человеческому вниманию, простому общению. Все подчинено закону движения – любая остановка может погубить или изменить жизнь.

– Поэтому торопишься в Москву?

– Да, есть проблема в университете.

– Лично тебя касается? – с тревогой спросила Кетино.

– Нет, но знаешь, когда лодка переворачивается, кое-кто может утонуть, но все оказываются мокрыми. Поэтому лучше не допустить, чтобы лодка перевернулась... Отличное вино. Откуда? – неожиданно поменял тему разговора Сергей Георгиевич.

Зная его закрытость, расспрашивать не имело смысла.

– С деревни прислали. Сергей, может быть, посидим во дворе?

– С удовольствием.

Выходя из кухни, Сергей еще раз посмотрел на обои, потерявшие первоначальный цвет.

– Кетино, может быть, тебе поменять обои? Я помогу переклеить их. Ты только выбери, какие тебе нравятся.

– У тебя много времени? На сколько дней в Тбилиси приехал?

– На неделю, больше не могу остаться – я уже говорил, что на работе много проблем, нельзя их оставлять без контроля.

– Может быть, успокоишь и скажешь в чем дело? В общих чертах.

Сергей Георгиевич посмотрел на своего преданного друга детства, ее беспокойство было естественным, и в нем не было простого любопытства.

– Ладно, – согласился Сергей Георгиевич. – В двух словах. Проблема во взаимоотношении одного арендатора и первого проректора – Александра Борисовича.

– А ты?

– А я пытаюсь не допустить серьезного конфликта, во всяком случае, чтобы это отразилось на университете в целом. Хватит меня дергать московскими проблемами, – предупредил он. – Не для этого я приехал. Пошли во двор.

Старый двухэтажный дом в Авлабаре, старом тбилисском районе, всегда был любимым местом встреч друзей-одноклассников, где радушно их встречали родители Кетино – дядя Арчил и тетя Тамара. В доме бывали многие одноклассники, но наиболее часто приходили Сергей, Юра, Эмма, Лаура, Грант и Медея. Все они дружили с первого класса, сохранили теплые отношения на протяжении всей жизни, только Медея после замужества потеряла связь с друзьями.

Во дворе дома росли большие деревья кипарисов и инжира, различные кустарники и розы. Но особый восторг вызывал гранат – дерево, возраст которого очень давно превысил полвека и упрямо приближался к вековому юбилею. Под гранатом стоял стол, который Сергей Георгиевич помнил с первого класса. Он жил в большом доме и был поражен наличием у Кетино собственного сада и столом под гранатом, на котором стояла ваза с вареньем.

Тот же стол, тот же сад, тот же гранат и постаревший дом. Только большие деревья мало изменились – расти им уже некуда. Наверное, подумал Сергей Георгиевич, и мы постарели, только это мы не очень замечаем. Нет, поправил он себя, стараемся не замечать. Он внимательно посмотрел на свою одноклассницу, отмечая изменения.

– Что, пополнила? – заметив его взгляд, спросила Кетино. – Жизнь коротка, не могу отказаться от удовольствия вкусно поесть.

– Может быть, и правильно, – согласился Сергей Георгиевич и не стал развивать эту тему. – Я тоже прибавил в весе. Кто придет?

– Сейчас подойдет Эмма, а Лаура не сможет – она с внуками на отдыхе в горах.

В это время открылась входная дверь во дворе. По дорожке грациозно шла Эмма. Среди всех девочек класса она выделялась некой воздушностью, было что-то в ней божественное. Она осталась прежней. Сергей смотрел на нее, и ощущение детства возвращалось. Оно возникало в воздухе, проникало во все поры, превращаясь в тепло.

– Я уже здесь.

– Кто бы сомневался, только стали накрывать стол и... – Сергей не успел закончить.

– ...и я пришла помогать, – весело продолжила Эмма.

Они обнялись. От нее пахло дорогими духами, аккуратно наложенный макияж не бросался в глаза.

– Хорошо выглядишь, – признался Сергей.

– Ты тоже. Расскажи, как жизнь в Москве, как устроился, как Таня и Наташа.

Они сидели за столом. Ощущение, что время повернуло вспять, все усиливалось, словно не были прожиты четыре десятилетия, а они оставались детьми и находились в своем беззаботном детстве. Даже рассказ Сергея, порой грустный, терял остроту переживаний, растворяясь в атмосфере радости встречи.

– Если говорить честно, то первый год был очень трудным. В Москву я прилетел на три дня в командировку. Обратного вылета не смог – авиасообщение было прервано из-за войны в Абхазии и событий в Тбилиси. Добираться окольными путями через Баку было смерти подобно. Цепочка событий – резня армян в Сумгаите и Баку и война в Нагорном Карабахе – породила беспредел и новый бизнес – похищение людей, следующих транзитом через Азербайджан.

– Это точно, – поддержала Эмма, – столько людей исчезло, скольких взяли в заложники.

– Поэтому решил переждать. Хорошо, что крыша над головой была, и Наташа рядом. Мы жили у тещи.

– Она училась тогда? – спросила Эмма.

– Да, в финансовой академии. Ситуация в Грузии, не мне вам рассказывать про нее, привела к окончательному решению – остаться в Москве. Потом Сергей Дарчоевич привез Таню на военно-транспортном самолете. Если бы не он, не знаю, когда Таня смогла бы перебраться в Москву.

– Сергей Дарчоевич – это твой друг, стоматолог?

– Он Наташин крестный, тоже переехал в Москву. Ему очень помогал один его друг – Игорь, они вместе учились в Москве в стоматологическом институте.

– А тебе было легко? – с иронией спросила Кетино, которая до этого не участвовала в разговоре.

– Еще как тяжело было. В первый год ничего не получалось – работы нет, кооперативные дела на нуле – не могли организовать доставку наших приборов, денег нет. Жили на деньги тещи. На Новый год ничего не мог купить, ощущение, которое не могу забыть. Хожу по улицам, смотрю...

– Знаешь, у нас много случаев самоубийств было в те годы, в основном мужчины, возраст сорок – пятьдесят лет, – с болью заметила Кетино, – семейные, порядочные, привыкшие зарабатывать и обеспечивать семью. Психологически не выдержали безработицы...

Сергей, очевидно, вновь вспомнил то состояние, те переживания. Кетино и Эмма молчали. Небольшой ветер, на который они не обращали внимания, шевелил листья, и в возникшей тишине был слышен их шелест.

– У меня, конечно, была другая ситуация, я об этом не думал. Потом, меня все поддерживали, Мария Григорьевна, моя теща, очень старалась и деньги предлагала, только я на себя не мог их тратить, – неожиданно продолжил Сергей. – Привык тратить заработанные деньги. Перед самым Новым годом теща получила паек. До сих пор помню – две

бутылки шампанского, ветчина, колбаса сервелат, конфеты и еще кое-что, что позволило накрыть праздничный стол. Это был незабываемый Новый год – грустный по факту, но полный надежд. Весной была удачная сделка, и дела пошли.

Вечер наступил незаметно, за разговорами и воспоминаниями время летело. Лампа, спрятанная под абажур, мягким светом освещала стол. Обед плавно перешел в ужин. Не одна чашка чая незаметно была выпита, а возникали все новые темы разговоров. Ночная прохлада стала давать знать о себе. Эмма давно попросила кофту и плотно укуталась в нее.

– Какие твои планы на эти дни? – поинтересовалась Эмма.

– Особых планов нет. С мамой пообщаюсь, а остальное как сложится.

– Она очень по тебе скучает, – заметила Кетино. – Раньше она открыто не выражала свою любовь к тебе, сейчас часто об этом говорит.

– Возраст, – смутившись, ответил Сергей. – Пойдем, Эмма, я тебя провожу.

– Как раньше. Моя мама только тебе доверяла меня провожать.

– Поэтому бедный Сергей все оставлял и шел тебя провожать, – заметила Кетино, – хотя компания продолжала веселиться.

– А помнишь... – хотел что-то рассказать Сергей, но Кетино не дала ему продолжить.

Воспоминания могли продлиться до утра, а Кетино не хотела, чтобы тетя Шура, Александра Ивановна, теряла минуты общения с сыном.

* * *

Было около пяти часов утра, когда Сергей Георгиевич спустился на кухню, где его уже ждал вкусный завтрак с обязательным кофе. Он любил эти ранние завтраки в тишине, когда только Татьяна Александровна была с ним. Удивительно, но им не надоело общаться, хотя были вместе почти четыре десятилетия. Именно общение их сплачивало, снимало возникающие напряжения и способствовало сохранению семьи. Это были мгновения тихого счастья и уюта, в котором они жили и наслаждались, но не любили об этом говорить.

– Вчера ты засиделся за компьютером, наткнулся на что-то интересное? – спросила Татьяна Александровна.

– Интернет кипит, все обсуждают итоги выборов и митинг оппозиции. Да, помнишь, я работал с Сергеем Михайловичем?

– В Инновационном центре?

– Точно. Он поменял свою фотографию в Facebook, теперь он с белой ленточкой.

– Это с той ленточкой, которую неприлично обозвал наш будущий президент? – с тонкой иронией спросила Татьяна Александровна.

– С той самой, только не пойму, почему белая ленточка у Путина ассоциируется со средством контрацепции. С чего это его потянуло на такое сравнение?

– Меня спрашиваешь? – удивленно спросила Татьяна Александровна.

– А кого еще? Выборы еще не состоялись, а ты уже знаешь результат – президентом будет избран Путин.

– А ты сомневаешься? Подключат административный ресурс, местами закроют глаза, не сомневайся, подсчитают так, как надо.

– Согласен. И еще, – продолжил Сергей Георгиевич, – Сергей Михайлович дал ссылку на материал «Новой газеты» по факту крупных финансовых афер с выводом бюджетных средств за рубеж.

– Да, я забыла тебе сказать, что вчера по телевидению показывали оперативную съемку обыска в какой-то фирме, которая выводила, если не ошибаюсь, миллиарды рублей за рубеж.

Показали сейфы, забитые рублями, долларами и евро. Такого количества денег я никогда не видела. Толком не очень поняла механизм, у меня подгорал на плите обед, не до информации было.

– Обед – это святое, в этом я с тобой согласен. А таких фирм, банков – обналачивающих, уводящих деньги за рубеж – не один десяток. Если власть хотела, их определили и закрыли бы быстро. Думаю, что многие известны, только к ним не подступиться – их крышуют силовики, люди власти. И Центральный банк делает вид, что ничего не видит, депутаты Госдумы и сенаторы никак не могут принять нужные законы. Большие деньги, большие откаты, большая всевластная кормушка, – заключил Сергей Георгиевич.

– Что это мы в такую рань об этом?

– Не знаю, лучше скажи, – предложил Сергей Георгиевич, – какие планы у Наташи.

– Поедет в Москву, отвезет новогодние подарки, встретится в клубе с кем-то из йогов и вернется.

* * *

В семье Сергея Георгиевича Новый год – любимый праздник. Не удивительно, что маленькая Наташа, дочь Сергея Георгиевича и Татьяны Александровны, стала по-детски воспринимать его как большое и радостное семейное событие и заранее готовилась к встрече Нового года. Где-то за месяц Наташа приступала к выбору подарка, который ей должен был подарить Дед Мороз. Отношение к нему у Наташи было двоякое. С одной стороны, она считала, что Деда Мороза нет, а с другой стороны, его наличие гарантировало получение подарка.

– Деда Мороза нет, – громко заявила Наташа, распаковывая подарок, который ей вручили на новогодней елке. – Большие на елки я не пойду.

– Почему ты так решила? – поинтересовался Сергей Георгиевич.

– Я знаю, что Дед Мороз старый, а сегодня он был молодым, и борода у него из ваты, – с выражением умудренного жизнью человека сказала Наташа.

При этом она ни на секунду не отвлекалась от подарка – распаковав упаковку, отби-рала шоколадные конфетки, не обращая внимания на карамельки и печенье. Сергей Георгиевич переглянулся с женой. Татьяна Александровна подошла к нему и шепнула:

– На елке были взрослые дети, они обсуждали Деда Мороза, а Наташа, естественно, все наматывала на ус.

Сергей Георгиевич кивнул, подсел к дочке. Она протянула ему конфетку. Он отказался, а конфета в одно мгновение оказалась за щекой Наташи.

– Не много тебе будет?

– Нет, я еще могу поесть, – предупредила Наташа с полным ртом конфет.

– Ладно, – согласился отец, – твои возможности я знаю. Теперь поговорим о Дед-е Морозе.

Наташа перестала жевать, удобно расположилась возле отца, слегка прижалась и приготовилась его слушать.

– Дед Мороз один, а детей много, очень много. Он не успевает, ему помогают ученики. Они молодые, и белые бороды у них еще не выросли.

– Бороду из ваты Дед Мороз на елке надел, потому что он молодой?

– Да. Ведь он почти настоящий Дед Мороз, только с белой бородой проблема.

– Через три года он станет настоящим?

– Через три вряд ли, но через пять-десять – точно.

– Тогда я сама буду большой, – заключила Наташа. После небольшой паузы спросила: – А на Новый год с подарком придет настоящий?

– Конечно, – успокоил Сергей Георгиевич, – в новогоднюю ночь подарки разносит сам Дед Мороз. Только времени у него очень мало, оставит подарок хорошему ребенку и сразу к другому торопится.

– Чтобы успеть ко всем?

– Точно, – подтвердил Сергей Георгиевич и обнял дочку.

– Мама, я еще пойду на елку, – решительно сказала она.

– Вот и хорошо. В четверг пойдем на елку – папа принес еще билеты.

31 декабря поздно вечером Наташа села на маленький стул у елки так, чтобы ей была видна входная дверь. Родители не обратили на это внимания, но минут через двадцать-тридцать это вызвало интерес:

– Наташа, что сидишь у елки? Пойдем, поможешь мне готовить салат, – предложила мама.

– Не могу, я должна дожидаться Деда Мороза, – серьезно сказала дочь.

Никакие уговоры не помогли, Наташа продолжала сидеть. Трудно сказать, чем бы все закончилось, если бы не соседка – тетя Женья, которая пришла за Татьяной Александровной. Каждый год в новогодний вечер она готовила соседке козинахи.

– Наташа, пойдем наряжать елку, – предложила тетя Женья.

Ее единственный сын сидел в тюрьме, настроения особого не было, а поставить елку – традиция. Предложение было заманчивым, после небольшого колебания Наташа согласилась и пошла с мамой.

– Папа, если придет Дед Мороз, пусть подождет, и позови меня, – строго попросила Наташа.

Когда они ушли, Сергей Георгиевич решил воспользоваться моментом. Он достал новогодний подарок, положил под елку. Оставив дверь открытой, он пошел к соседке.

– Наташа, Дед Мороз пришел, он очень торопится! Пойдем быстро, – прокричал Сергей Георгиевич.

Наташа засуетилась, отложила елочные игрушки и, схватив руку отца, поспешила домой. Вбежав в квартиру, она стала искать Деда Мороза.

– Наверное, он очень торопился, – предположил Сергей Георгиевич. – Даже входную дверь не успел закрыть.

Наташа была расстроена, но открытая дверь, которую она проверила, убедила ее в правдивости предположения отца. Большой пакет подарков переключил ее внимание, и переживания, что Деда Мороза не увидела, ее не мучили.

– Мама, представляешь, Дед Мороз приходил, – громко сообщила Наташа, когда вернулась мама. – Он торопился, оставил подарки.

– Наверное, в следующий раз он обязательно тебя дождется, – предположила улыбающаяся Татьяна Александровна, поглаживая ее по голове.

* * *

Сергей Георгиевич не любил поездки в предновогодние дни – бесконечные пробки, нервные водители, поэтому продукты, шампанское и все другое, необходимое для длительных новогодних каникул, приобреталось заранее, чтобы максимально исключить перемещения перед Новым годом. Необходимость поездки на работу его расстроила, но утешало то, что после сдачи отчета ему – научному консультанту – не надо будет там появляться до окончания новогодних каникул.

Татьяна Александровна заметила, что Сергей Георгиевич огорчился, узнав о предстоящей поездке дочери, поэтому постаралась его успокоить:

– Не волнуйся, ты же знаешь, как аккуратно она водит машину.

– Знать-то знаю, только на дорогах бардак, можно застрять.
– Да, вчера Антон четыре часа добирался до дома.
– Когда он собирается к нам в деревню?
– Тридцать первого утром у него поставка, отправит фуру и приедет.
– К вечеру доберется, – заключил Сергей Георгиевич. – Я и Наташа уезжаем, тебе не трудно будет одной остаться с Мариком?
– Нет, обед вчера вечером приготовила, а с ним теперь легко – больше стал самостоятельно играть.
– Нам бы дождаться, когда он заговорит, вокруг все девочки его возраста уже начали говорить.
– Заговорит, не волнуйся. Еще устанем от его болтовни, – успокоила Татьяна Александровна. – Мальчики позже девочек начинают говорить, к трем годам обычно они восполняют пробел. Не забывай, Марику только год и девять месяцев.
– У меня такое ощущение, что он знает слова, но не хочет говорить – и так его пони-
мают, – предположил Сергей Георгиевич.
Татьяна Александровна ничего не сказала, только улыбнулась, возможно, что она что-то вспомнила.

* * *

– Пойми, она – ребенок, задала вопрос и забыла, а ты пытаешься ей научно ответить, – Татьяна Александровна пыталась успокоить мужа.
– А как? Ребенок задал вопрос, а я должен промолчать?
Проблема назревала несколько дней. Наташа, маленькая егоза с голубыми глазами и пышными вьющимися светло-русыми волосами, рано стала говорить. Радость родителей быстро улетучилась, когда она в четыре года стала задавать каверзные вопросы. Это был нескончаемый поток, а ответы не всегда поспевали за вопросами. Сложность заключалась еще в том, что Наташа, подобно губке, умудрялась впитывать все разговоры взрослых, все, что сообщал телевизор. Потом делались выводы и задавались вопросы. При всем непрерываемом авторитете отца ответы, которые не соответствовали ее выводам, принимались скептически. Хуже обстояло дело с ответами, которые не соответствовали заключениям детей, которые были старше ее и в особом авторитете. К ним относилась и Лика, которая была старше Наташи на два года.
Когда Сергей Георгиевич гулял с Наташей вдоль набережной реки Кура, она как-то подозрительно спросила:
– Почему Кура такого цвета?
Цвет воды Куры всегда был коричневым, от светло-желтого до темно-серого оттенка в зависимости от времени года. Но вопрос показался подозрительным, особенно тон, которым он был произнесен. Следовало предполагать, что ответ она знала, а Сергею Георгиевичу предстояло доказать, что он его тоже знает.
– Кура к нам течет издалека, – начал объяснять Сергей Георгиевич, – по дороге в воду попадает много земли, глины и песка, поэтому она такого цвета.
Наташа выслушала ответ отца, сделала паузу, словно сравнивала его с чем-то, а потом высказала свое мнение:
– Нет...
– Почему нет? – возмутился Сергей Георгиевич.
– Потому, что чистая вода попадает в Тифлисское море, – уверенно, четко произнося каждое слово, сообщила довольная собой дочь. – А грязная вода течет к нам.

Ловушка захлопнулась. Тест был провален. Осталось только немного скрасить ситуацию:

– Не Тифлисское, а Тбилисское море, и не море, а водохранилище.

Но Наташа никак не отреагировала на последнее замечание отца. Сергей Георгиевич по Тифлисскому морю быстро определил, что это мнение Лики – ее мать часто Тбилиси называла по-старому – Тифлис. А насчет моря – это, очевидно, Рудик, отец Лики, поспособствовал.

Через минуту Наташа носилась по набережной, ее не интересовала ни Кура, ни цвет ее воды, ни море, куда уходит чистая вода. Надо было найти киоск, где продавали мороженое, и аккуратно подвести к нему отца и уговорить его купить вторую порцию.

Вопрос, после которого пришлось вмешаться Татьяне Александровне, прозвучал утром в субботу во время завтрака. После веселой игры отца и дочери казалось, что день благополучно начался, и ничего не предвещало осложнения. За столом, смотря на яичницу-глазунью, Наташа неожиданно задала вопрос:

– Почему Солнце круглое?

Сергей Георгиевич спокойно воспринял вопрос, не видя в нем подвоха. Первая попытка псевдонаучного объяснения не имела успеха. Но через минуту он понял, что на этот вопрос нет простого ответа. Наташа, подхватив часть яичницы на вилку, сидела и ждала ответа, отрицательно качая головой при каждом новом толковании геометрической формы Солнца. Татьяна Александровна сочувственно посмотрела на мужа, для которого вроде простой вопрос оказался очень сложным для ответа. Что сказать? Как коротко объяснить ребенку, почему Солнце круглое?

Татьяну Александровну стало раздражать упрямство Наташи, которая не хотела вникать в объяснения отца, и она решила внести ясность:

– Солнце – старшая сестра Луны. Луна круглая, поэтому Солнце тоже круглое.

Наташа немного подумала, потом одобрительно кивнула:

– Луна – младшая сестра, поэтому она не всегда круглая. Солнце – старшая сестра, поэтому она всегда круглая.

Свое логическое заключение ей понравилось, довольная собой, она быстро доела яичницу, забыв и свой вопрос, и мамин ответ.

** * **

Дивный лес вдоль дороги, прихваченный морозом и присыпанный легким снегом, всегда вызывал восторг. Сочетание черноты ночи и белизны снега, окружающей темноты и светящихся приборов автомобиля переводило реальность в виртуальность, которую нарушали одиночные встречные машины и радио. Радиостанция городских новостей в столь ранний час повторяла интервью политических обозревателей на злободневные темы. В тот день темой общения с радиослушателями было дело Магнитского.

Сергей Георгиевич усилил звук и стал слушать обозревателя: «Мы вновь возвращаемся к проблеме Магнитского. Для некоторых слушателей напомним, кто такой Сергей Магнитский. Сергей Леонидович Магнитский родился 8 апреля 1972 года в СССР, в городе Одессе. Можно сказать, что он родился в стране, которая не существует. Напомним, что он являлся гражданином России, проживал в Москве, был женат и имел двух детей. С 1995 года работал аудитором британской консалтинговой компании Firestone Duncan. 24 ноября 2008 года был арестован, а 16 ноября 2009 года скончался в больнице СИЗО «Матросская тишина».

Такова краткая справка, но за ней скрываются многие факты, которые требуют уточнения. Начнем с вопроса нашего слушателя Андрея, который спрашивает о связи Магнитского и фонда Hermitage Capital Management, основателем которого являлся Уильям Браудер.

Как я уже говорил, Магнитский работал в Firestone Duncan, где возглавил отдел налогов и аудита. Сама компания оказывала юридические услуги, в том числе и фонду Hermitage.

Слушатель Владимир Николаевич спрашивает, с чего все началось. А все началось с того, что в 2007 году в Hermitage и обслуживавшей ее Firestone Duncan начались обыски, вызванные подозрениями в создании схемы уклонения от налогов при помощи разветвленной сети дочерних организаций. В ходе обысков были изъяты документы, компьютерные данные и печати трех российских организаций фонда Уильяма Браудера. Сразу после этого фонд продал все свои российские активы. По версии следствия, дочерними компаниями фонда незаконно покупались акции стратегических российских предприятий, в том числе «Газпрома», «Сургутнефтегаза» и «Роснефти». Тогда представители Hermitage объявили, что МВД осуществило рейдерский захват трех ее дочерних компаний, воспользовавшись изъятыми в ходе обыска печатями и документацией. Сразу после обысков в 2007 году Магнитский начал независимое расследование с целью защитить интересы инвестиционного фонда и выяснил, что 5,4 миллиарда рублей налогов, уплаченных захваченными дочерними компаниями инвестиционного фонда в 2006 году, были изъяты из российской казны преступниками как «излишне уплаченные». Также Магнитский дал показания о том, что сотрудники правоохранительных органов незаконно завладели имуществом Hermitage.

У наших слушателей вызывает повышенный интерес причастность сотрудников МВД к делу Магнитского».

Кто бы сомневался, подумал Сергей Георгиевич, что доблестные сотрудники МВД приложили руку к этому делу. Его личный опыт свидетельствовал, что по требованию начальства дело могли открыть там, где его не было в помине. Не случайно среди сотрудников МВД в ходу поговорка: «Был бы человек, а дело найдется».

Обозреватель продолжал отвечать на вопросы слушателей: «Слушатели Ольга Петровна, Игорь, Олег Михайлович и другие спрашивают о причастности сотрудников МВД к хищению государственных средств. Необходимо отметить, что в июне и октябре 2008 года Сергей Магнитский дал показания в отношении причастности сотрудников МВД – подполковника Кузнецова и майора Карпова – к крупномасштабному хищению 5,4 миллиарда рублей из бюджета России.

Спустя несколько недель после дачи Магнитским показаний подполковник Кузнецов и его подчиненные были включены в следственную группу по формированию уголовного дела против самого Сергея Магнитского. Кузнецову и его прямым подчиненным понадобилось лишь несколько дней для фальсификации документов и организации ареста Сергея. Поместив Магнитского в СИЗО, следствие начало методичную «обработку», принуждая его отказаться от его свидетельских показаний.

Сергей Магнитский 13 октября 2009 года вновь повторил свои показания в отношении причастности подполковника Кузнецова и майора Карпова к хищению государственных средств.

Сейчас на связи с нами Анна Петровна из Курска, она спрашивает, есть ли факты, которые косвенно подтверждают обвинения. Могу сообщить, что согласно документам, представленным руководством компании Firestone Duncan, семья Кузнецова потратила около трех миллионов долларов в течение трех лет на приобретение различного имущества, а семья Карпова – более одного миллиона долларов, имея скромные доходы сотрудников органов. Для справки сообщаю, что зарплата Кузнецова соответствовала 850 долларам США в рублевом эквиваленте.

12 ноября 2009 года в своем заявлении в Тверской суд города Москвы (за четыре дня до трагической гибели) Магнитский указал на роль следователя Сильченко, которая сводилась к выгораживанию и освобождению от ответственности его коррумпированных коллег. Маг-

нитский открыто заявил, что его удерживают в качестве заложника, осознанно организовав против него незаконное уголовное преследование.

Дмитрий Петрович из Москвы спрашивает о позиции руководства МВД и Генеральной прокуратуры по фактам хищения, совершенных сотрудниками силовых структур. Должен сказать, что непосредственно свою позицию руководство ни МВД, ни Генеральной прокуратуры не огласило. Могу сослаться только на факт, о котором я уже говорил, а вы сами делайте выводы – Министерство внутренних дел и Генеральная прокуратура до сих пор отказываются расследовать роль коррупционеров в погонах в хищении 5,4 миллиардов рублей из государственной казны и последовавшем затем преследовании Магнитского и его коллег. Более того, заниматься делом о хищении бюджетных средств было поручено именно тем сотрудникам МВД, которые были обвинены в причастности к этому преступлению.

Большая группа слушателей интересуется, при каких обстоятельствах погиб Сергей Магнитский. Смерть наступила 16 ноября 2009 года. Он провел в СИЗО 358 дней. Провел в условиях, подорвавших его здоровье и заставивших его мучиться от постоянной невыносимой боли. В целом картина смерти сложная, сотрудники СИЗО, естественно, говорят об одном, независимые эксперты утверждают другое. Можно предположить, что утром ему стало настолько плохо, что в течение нескольких часов он просил о помощи, после чего врач решил перевести его в другое учреждение, где могла быть оказана экстренная медицинская помощь. Однако следователи вначале не захотели давать разрешение на перевод в другой изолятор и задержали переезд до пяти часов вечера. По прибытии в СИЗО «Матросская тишина» вместо оказания помощи тюремщики надели на Сергея, который непрерывно кричал от боли, смирительную рубашку и заперли в одиночном боксе. Через 1 час и 18 минут, не выдержав мучений, Сергей скончался. Все это время команда скорой медицинской помощи находилась рядом, но им так и не разрешили войти к нему».

Неожиданно автомобиль, который сворачивал с второстепенной на главную дорогу, не пропустив автомобиль Сергея Георгиевича, попытался быстро выскочить на главную дорогу, его занесло и повело юзом. Сергей Георгиевич, предугадав этот неоправданный маневр, предварительно сбросил скорость и стал резко тормозить, чтобы избежать столкновения. Больной на всю голову, подумал Сергей Георгиевич о водителе, надо же искать приключения на свою голову там, где причины нет, – пропусти одну-единственную машину на трассе и двигайся куда хочешь. Неизвестный водитель какое-то время приходил в себя, пытаясь понять, почему он это сделал. В знак извинения и благодарности мигнул аварийными сигналами и тронулся с места. Ехал он медленно, очевидно, не мог сразу избавиться от пережитых эмоций. Сергей Георгиевич не стал плестись за ним, нажал на педаль газа и быстро объехал. Лишь незначительное время он видел фары этой машины в зеркале заднего вида.

* * *

Мы всегда торопимся, мы всегда куда-то мчимся, думал Сергей Георгиевич, нам некогда остановиться и увидеть, что наша суета оборачивается безразличием к другим.

– Сергей Георгиевич, – обратилась к ректору университета Светлана Игоревна, главный бухгалтер, – Вам плохо?

– Нет, просто задумался. Приходила Анна Васильевна, просила поднять зарплату или увеличить нагрузку.

– Да, ситуация у нее тяжелая, – согласилась Елена Васильевна, начальник планово-финансового управления, которая, очевидно, была в курсе дела.

– Она рассказала мне: дочка потеряла работу из-за сокращения. На руках внучка-инвалид. Вся в слезах, не знает, что делать, – подвел итог своей беседы Сергей Георгиевич.

Университет гудел уже неделю. В соответствии с постановлением правительства надо было переходить на новую систему оплаты труда. И в правительстве, и в министерстве про постановление забыли. Три года, отпущенные на переход, подошли к концу, в министерстве вспомнили и стали требовать выполнения постановления.

Сергей Георгиевич помнил тот день, когда неожиданно возникла проблема. 31 августа в актовом зале состоялось праздничное мероприятие посвящения абитуриентов в студенты. Во второй половине дня в кабинете ректора был организован небольшой фуршет в связи с началом нового учебного года. Присутствовало все руководство университета, кроме Светланы Игоревны и Елены Васильевны.

– Они на совещании в Рособразовании, что-то там срочное. Думаю, что скоро подъедут, – объяснил их отсутствие Сергей Георгиевич и предложил: – Начнем, а когда они придут – продолжим.

У всех было праздничное настроение, было, что сказать и рассказать. На таком фоне мрачные лица вошедших в кабинет Елены Васильевны и Светланы Игоревны резко контрастировали. Они пытались поддержать праздничное настроение, но удавалось это с большим трудом. Чувствовалось, что что-то случилось.

Оставив их в кабинете после завершения мероприятия, Сергей Георгиевич спросил:

– Что, меня снимают с должности?

– Тоже скажете, – смутилась Светлана Игоревна.

– До 1 декабря должны перейти на новую систему оплаты труда.

– За три месяца, думаю, успеем, – с облегчением сказал Сергей Георгиевич, предполагая, что проблема не такая сложная, а сотрудники расстроились из-за дополнительного объема работы.

– Проблема в том, что всю работу надо закончить в конце октября, – раздраженно сообщила Елена Васильевна. – За два месяца до введения новой системы мы должны предупредить всех сотрудников и согласовать новые трудовые договоры и...

– ...предварительно разработав новую систему, согласовать с профсоюзами, трудовым коллективом, составить и согласовать новые должностные обязанности...

– Не продолжай, – прервал Светлану Игоревну Сергей Георгиевич. – Я понимаю, что значит – почти тысячу двести договоров прервать, получить согласие каждого и согласовать с каждым новый договор.

– И это при изменении штатного расписания и сокращении некоторых должностей, – продолжила Светлана Игоревна.

– А что говорят ваши коллеги?

– Ничего, они спокойны. Сделают столько, сколько успеют. Отпишутся, что все сделали, а кое-что и у нас возьмут. У нас-то положение особое. Рособразование не упустит возможности нас проверить по полной программе, – ответила Елена Васильевна и не стала напоминать об угрозе, которая нависла над ректором.

Сергей Георгиевич ничего не сказал, только кивнул в знак согласия. Отношения с Булаевым, руководителем Рособразования, не сложились. Требование Булаева – сперва личная преданность и исполнение любых приказов, а потом справедливость и всякая другая мелочь, включая мнение коллектива, – не соответствовало жизненным принципам Сергея Георгиевича. Свою лепту вносили и замы Булаева, которые не простили новому ректору того, что он прекратил отмывание бюджетных средств по проведению исследований инноваций в образовании. Сколько десятков миллионов рублей, иногда думал Сергей Георгиевич, оказались в карманах чиновников, а образование продолжало нищенствовать.

Один выговор уже имелся, правда, сам Сергей Георгиевич не понял, за что, но проверяющий исполнил поручение руководителя. Второго выговора следовало избежать. Вызвав Наташу, секретаря, Сергей Георгиевич предложил:

– Завтра в девять часов собери у меня всех деканов, ректорат и профсоюзы, а вы приходите в половине девятого с предложениями. Продумайте все, что нужно, кому что поручить, кого подключить. Я тоже подумаю. Перед уходом занесите материалы, которые у вас имеются. Вечером поработаю с ними.

Разговор закончился, но Светлана Игоревна и Елена Васильевна не уходили. Сергей Георгиевич вопросительно посмотрел на них.

– Сергей Георгиевич, наши сотрудницы собрались у меня в кабинете, не поздравите с новым учебным годом? – спросила Светлана Игоревна.

Сергей Георгиевич улыбнулся, лукаво посмотрел на сотрудниц:

– А я думал, что вы нарушили нашу традицию из-за предстоящих трудностей. Надеюсь, что прорвемся. Когда мне прийти?

– Минут через пять, – почти синхронно предложили они.

Через десять дней общая картина стала вырисовываться. Основные трудности преодолевались, хотя возникали локальные напряженности. Еще через неделю работа стала рутинной, и напрягал лишь объем. По всем сложным вопросам они собирались втроем, чтобы оперативно их решать.

В тот день все обговорили, приняли решения, но возникла проблема Анны Васильевны, которой Сергей Георгиевич хотел помочь.

– На сегодня последний вопрос: что будем делать с Анной Васильевной?

– Ничего не получится, – высказала свое мнение Светлана Игоревна. – Еле достигли шаткого равновесия на кафедре. Стоит ей добавить, все придется начинать заново.

– Она или дочь согласны работать уборщицей, – продолжал настаивать Сергей Георгиевич.

– Не получится, и так вынуждены были сократить кафедральные площади, которые убирают. Может быть, Вы попросите арендаторов, они что-нибудь предложат, – посоветовала Елена Васильевна.

Пожалуй, это единственный вариант, подумал Сергей Георгиевич. Он не любил обращаться к арендаторам, которые всегда готовы были выполнить его просьбу. Но каждая просьба определяла маленькую зависимость, которой непременно когда-нибудь воспользуются арендаторы. Сергей Георгиевич понимал, что обращение – это способ решить проблему Анны Васильевны, и он знал, что это сделает.

– Слезы женщин на Вас сильно действуют. Берегите сердце, – посоветовала Елена Васильевна.

– Вот потому и хочу помочь, чтобы сберечь сердце. Понимаю, второй раз починке оно не подлежит.

Оставшись один, Сергей Георгиевич подумал о сотрудницах бухгалтерии, планово-финансового управления, отдела кадров, канцелярии и других служб, которые полностью выложились, чтобы выполнить постановление. Простые сотрудники, получающие небольшие зарплаты, стараются выполнять поручения. А те, кто поставил их в такое положение, не понесут наказания, выпишут себе премии, доложат начальству об исполнении и будут ждать повышения. Те, равнодушные, не думающие о простых работниках, своими штрихами незаметно создают пропасть между властью и народом. Когда власть, подумал Сергей Георгиевич, научится реально контролировать себя? Хотя ей это нужно?

* * *

Мы всегда торопимся, мы всегда куда-то мчимся, думал Сергей Георгиевич, нам некогда остановиться и увидеть, что наша суэта оборачивается безразличием к другим. И в этом

сила коррупционной Системы. Мы разделены, разобщены – мы сами реализовали принцип «разделяй и властвуй».

Реальность вновь взяла свое. Красота и спокойствие дороги не сочетались с фактом равнодушного и преднамеренного убийства человека, который выступил против коррупционной Системы.

Сергей Георгиевич, по возможности, следил за делом Магнитского. Не всю информацию следователей или правозащитников он принимал или воспринимал однозначно. Он предполагал, что в действиях фонда Hermitage на определенном этапе имели место нарушения. В 1999–2000 годах Магнитский участвовал в покупке дополнительных двух процентов акций «Газпрома», в результате чего допустимая квота владения по действовавшему тогда законодательству иностранным инвесторам была превышена. Для этого Магнитский прибыл в 1999 году в Калмыкию, где договорился с руководителем местного Фонда ветеранов войны в Афганистане о том, чтобы трудоустроить нескольких инвалидов на должности финансовых аналитиков в основанных Браудером российских фирмах. Наличие ветеранов-инвалидов в фирмах давало налоговую льготу. Осуществив покупку акций российскими фирмами, затем они перепродавали Hermitage акции «Газпрома», уплатив при этом налог на прибыль по ставке пять с половиной процентов вместо тридцати пяти процентов. В результате этих действий был нанесен бюджету многомиллионный ущерб.

А дальше, как предполагал Сергей Георгиевич, сработала обычная жадность. В руках у силовиков оказались учредительные документы, печати – все, что позволяло переоформить компании на доверенных лиц, и осуществить финансовые махинации.

После короткой рекламы спонсора программы обозреватель продолжил: «Поступили вопросы от слушателей об участии общественных организаций в расследовании дела Магнитского. Прежде всего, надо сказать о «Новой газете», которая проводит собственное расследование. В номере от 28 апреля 2010 года газета сообщила, что преступная схема, которую пытался разоблачить Магнитский, применялась не только в отношении компаний, принадлежавших фонду Hermitage. Расследование газеты показало, что в течение нескольких лет подобным образом уводились из бюджета десятки миллиардов рублей, отнимался бизнес у российских предпринимателей, а сами они отправлялись в тюрьму по сфальсифицированным обвинениям. В этой схеме были задействованы многие офицеры МВД, сотрудники прокуратуры, налоговых органов, судьи, адвокаты. По данным газеты сумма похищенных средств составляет не менее одиннадцати миллиардов рублей.

Должен отметить, что в России уделяется серьезное внимание расследованию дела на самом высоком уровне. Так, 23 ноября 2009 года на встрече с президентом РФ Дмитрием Медведевым в Кремле председатель Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Элла Памфилова сообщила о смерти Магнитского в СИЗО. Президент Медведев дал поручение генеральному прокурору РФ Юрию Чайке и министру юстиции РФ Александру Коновалову разобратся в причинах смерти в СИЗО, доложить о медицинской помощи в СИЗО».

Сергей Георгиевич не стал слушать дальше и переключил радио на музыкальную волну. Ничего не изменится, подумал он. Система власти, сформировавшаяся еще при президенте Ельцине, основана на личном обогащении. А как обогатиться чиновнику, сотруднику силовой структуры, судье или прокурору? За счет чего можно приобретать роскошь, заморскую недвижимость? Только создав систему всепроникающей коррупции. Такая система обеспечивает не только стабильность, но и безопасность участников системы.

Система может безболезненно пожертвовать одним участником, но будет жестко защищать себя. В особые моменты – когда только возникают намеки, угрожающие существованию всей Системы, все участники начинают синхронно действовать. Они не видят и не слышат, если так надо Системе. Они видят и слышат там, где это надо Системе.

На тормозах спустят все поручения президента, создадут кучу документов, будут докладывать до тех пор, пока все не забудут в чем суть дела. Магнитского обвинят во всех грехах. Врачи и охранники будут искренне удивляться, что к ним были претензии. А судьи, следователи и налоговики будут честно защищать интересы народа, которого они не хотят видеть, а выходные дни будут торопиться в свои виллы в Дубае, Ницце и других уголках мира, удаленных от просторов России.

Странно, подумал Сергей Георгиевич, существует два уголовных дела, имеющих лишь одну точку соприкосновения – Сергей Магнитский. Две стороны – власть и часть оппозиции, поддерживаемая Западом, – пытаются видеть только одно дело. Власть видит лишь махинации, а оппозиция – только коррупцию. Каждая из сторон считает себя правой, но им в целом в своих политических амбициях наплевать на правду.

Сергей Георгиевич остановился у светофора в самом начале Тверской улицы. По всей Тверской красочно светились разноцветные гирлянды. На площадях и перед мэрией стояли новогодние ели, украшенные разноцветными игрушками. Праздничное освещение медленно трансформировалось в праздничное настроение.

Впереди были Иверские ворота, за которыми начиналась Красная площадь. Дорога сворачивала влево. Предстояло объехать Госдуму и свернуть в Георгиевский переулок, чтобы въехать к себе во двор. У гостиницы «Националь», на пересечении Тверской и Охотного ряда, на столбе часы показывали чуть больше шести часов утра.

* * *

Иногда Сергей Георгиевич выбирался из деревни тогда, когда Татьяна Александровна была в Москве – в силу каких-то причин. Остановив машину, он смотрел на окна квартиры. В столь ранний час свет никогда не горел. Он набирал код на домофоне, открывалась входная дверь подъезда. В подъезде ощущалось тепло, которое в сочетании с тишиной ассоциировалось с семейным уютом, спокойствием. Внутренние окна помещения, где сидит консьержка, выделялись серой темнотой, на фоне которой кусок белого листа с номером ее мобильного телефона предупреждал, что кто-то охраняет это спокойствие.

Тишина захватывала, и каждый шаг хотелось сделать как можно тише, а вызванный лифт, казалось, создает такой шум, что могли проснуться все соседи. Тихо подходя к двери квартиры, Сергей Георгиевич убеждался, что его ждали. Двери были уже открыты, и Татьяна Александровна встречала супруга.

Ему всегда хотелось сказать, как он рад ее видеть, хотя прожили вместе не одно десятилетие и расстались лишь день-два назад. Хотелось, но никогда не говорил. Он не любил говорить о чувствах, стараясь их раскрыть в делах и отношении. А может быть, она этого ждала?

Конечно, ждала. И каждый раз он убеждал себя, что в следующий раз он обязательно скажет. Ведь впереди еще была долгая жизнь с ней, он так хотел.

* * *

Было около пяти минут седьмого, когда Сергей Георгиевич проехал по Охотному ряду мимо Госдумы, свернул на Большую Дмитровку и сразу же повернул в Георгиевский переулок. Шлагбаум был поднят, два сотрудника федеральной службы охраны равнодушно посмотрели на въехавший автомобиль Сергея Георгиевича. Только в семь часов утра они перекрывают проезд к гостевому подъезду Госдумы и начинают досмотр всех машин, въез-

жающих по пропускам. Увидев, что перед Госдумой Сергей Георгиевич взял вправо и поехал в сторону двора жилого дома, сотрудники ФСО лениво продолжили свой путь.

Во дворе нашлось одно свободное место, но поставить машину оказалось нелегкой задачей. Сугробы убранного дворниками снега затрудняли свободу маневрирования, но с третьей попытки, частично уплотнив колесами рыхлый снег, он сумел втиснуться между двумя машинами соседей. Двор освещался теплым желтым светом. Снег тихо поскрипывал под ногами, никого не было. Но не было ощущения одиночества.

Поднявшись на лифте на седьмой этаж, Сергей Георгиевич шел по пустому коридору, с одной стороны которого располагались двери квартир. Кругом была тишина, люди спали, поэтому он старался идти тихо. Стоя у окна кухни, Сергей Георгиевич смотрел на золотые купола кремлевских соборов и почувствовал глубокую тишину, которая вызывала тревогу. Почему-то контрастное сочетание черного неба, подсвечиваемого золотом, белого снега и красных рубинов кремлевских звезд вызывало тревогу. Впервые за многие годы в предновогодние дни он не ощущал состояния праздника. Мимолетное состояние праздника, возникшее на Тверской улице, быстро улетучилось. Тревога за будущее вновь овладела им и уже не покидала его.

Забрав чашку с кофе в кабинет, он сел за письменный стол и включил компьютер. Разноцветные световые рекламы, размещенные на крыше соседних домов, пробивались сквозь жалюзи и стекло двери, выходящей на балкон. Светящиеся огоньки, словно солнечные зайчики на большом экране, играли в догонялки. Возникали и снова исчезали, и снова пускались в погоню.

* * *

Сергей Георгиевич вспомнил детство, когда они с ребятами забирались на лестницу и с помощью зеркал направляли солнечные зайчики на девочек. Больше всего доставалось Хатуне, скромной девочке, которая редко выходила во двор. Ее отец был каким-то чиновником, он не общался соседями, что было очень странно для старого тбилисского двора. Лишь однажды он кричал на Сергея.

Это случилось во время игры в «салки-выбивалки». Правила игры были простыми. Двумя линиями весь двор делился на три зоны, в центре первой линии в кругу устанавливали пустую железную банку, обычно из-под сгущенного молока. Часто перед игрой Сергей приносил полную банку, в которой предварительно на кухне делал две дырки, чтобы можно было выпить молоко. Все ребята дружно помогали опустошить банку для игры. За первой линией до стены дома располагалась игровая зона. Между линиями находилась зона поимки, а за второй линией находилась зона игроков. Один игрок охранял банку, и его задачей было поймать одного из игроков – в этом случае они менялись местами. Каждый игрок имел свою салку – плоский камень. Игроки, стоя за второй линией, бросая камни, пытались сбить банку. Когда банка была сбита, все игроки, которые до этого бросали и остались без салок, бежали в игровую зону. Охранник должен был вернуть банку в круг, а потом поймать одного из игроков до второй линии. Он не мог поймать игрока, если игрок наступал на салку. В этом случае игрок должен был одной ногой водрузить салку на стопу другой, подкинуть ее и поймать. Это давало ему право спокойно покинуть игровую зону. Любая ошибка – чужая салка, или игрок не смог поймать ее – позволяла охраннику поймать игрока. Салки кидали сильно – при удачном попадании банка отлетала в конец двора, а салка оставалась около круга, что давало преимущество бросающему игроку.

В тот день все ребята азартно играли. На лестнице, которая располагалась перпендикулярно зоне поимки, сидели девочки и младшие ребята, которым запрещали играть из-за возможной травмы. Так случилось, что в этой партии никто не смог сбить банку.

Только у Сергея осталась салка в руке, остальные ребята выстроились вдоль линии, готовые бежать в игровую зону за своими салками. Сергей долго прицеливался и сильно запустил свою салку. Все смотрели за ее полетом. Вдруг Хатуна встала и побежала на другую сторону двора. То ли она решила, что больше бросков не будет, то ли что-то ее отвлекло, может быть, подумала, что успеет проскочить, но она побежала. Сергей и все ребята в ужасе наблюдали, как камень и Хатуна стремительно приближаются друг к другу. Удар пришелся в лоб, она упала, все кинулись к ней. Камень по касательной задел лоб, но шишка росла на глазах. Не успели ребята посадить Хатуну на лестницу, как появилась ее мама и увела ее домой. Через минуту на балконе появился ее отец, который громко ругался, обзывал ребят бандитами и хулиганами, угрожал сдать всех в милицию.

Последнее удивило, но на всякий случай ребята столпились у ворот, готовые слинять в любую минуту. Самое удивительное было то, что минут через десять вернулась Хатуна. Как ее выпустили родители – было непонятно, все предполагали, что родители никогда больше не выпустят ее во двор. Она села на лестницу, сложив руки на коленях. На лбу у нее была огромная шишка и здоровый синяк.

Салки, гордость каждого игрока, были надежно спрятаны. Во дворе ничего не напоминало о происшествии. Сергей, довольный таким исходом дела, побежал домой и вернулся с пригоршней шоколадных конфет, которые всегда были дома. Он присел рядом с Хатуной и предложил ей конфеты. Она выбрала три – «Мишка на Севере», «Кара-Кум» и «Белка». Остальные мгновенно исчезли с помощью ребят. Хатуна светилась радостью – двор принял ее, ребята оценили ее героизм – она не плакала, не жаловалась и никого не выдала. Прошло не одно десятилетие, а Сергей Георгиевич не забыл ее восторженные глаза.

* * *

Мысли о Магнитском не покидали Сергея Георгиевича. Какой бы ни была вина этого человека, нельзя не восхищаться личным мужеством и его настойчивостью в попытке вскрыть коррупцию в силовых органах. Безусловно, будучи сотрудником фирмы, он выполнял поручения руководства и лично Браудера, возможно, не все они были белыми и пушистыми. Может быть, как юрист, а это Сергей Георгиевич не исключал, он находил бреши в нужных законах и придумывал, как их обходить. Так жил весь российский бизнес. Но, когда его обвинили люди, которые сами проворачивали не менее крупные дела, а изображали из себя людей кристально честных, критическая масса преобразовалась в упорство и волю.

Больше всего, почти физически, Сергей Георгиевич ощущал его дикую внутреннюю боль – боль разрывающейся поджелудочной железы, которая и убила Магнитского. И в это время была возможность быстро все прекратить – достаточно только отказаться от обвинений. Какую силу воли надо было иметь, чтобы не сломиться!

В официальной справке о причине смерти указана сердечно-сосудистая недостаточность. Но в памяти Сергея Георгиевича была информация, которая промелькнула, кажется, в Интернете, что была еще травма, может быть, ушиб головного мозга. Еще писали об уничтожении внутренних органов, что делали сознательно, чтобы подтвердить официальную версию смерти. Возможно, что много искаженной информации циркулирует в обществе, но защита чести мундира путем медленного и равнодушного убийства – это особое преступление, преступление перед обществом. Нет, подумал Сергей Георгиевич, формулировка неправильная. Убивали одни, работающие на нижнем уровне, а руководство просто не хотело этого видеть. И это особое общественное преступление, убивающее веру во власть.

Как просто осуществить убийство сотрудникам силовых структур при наличии круговой поруки, минимальный риск! Коррупционная Система любит покой, и она умеет защищать своих участников. Если выдернуть один элемент Системы, она не потеряет устойчиво-

сти, но если выдернуть несколько, и это становится предметом общественного обсуждения, тогда возникает реальная угроза. Тогда она сделает все – от подлога и лжи до откровенной клеветы и убийства.

Весь вопрос в том, насколько само руководство вписано в эту Систему. Развитие ситуации наводит на самые грустные мысли.

Неожиданно зазвонил телефон. Сергей Георгиевич обрадовался звонку, он прервал его размышления, которые были далеки от предновогодней радости.

– Сергей, привет, не рано звоню?

– Нет, Иван, давно на ногах. Что-нибудь случилось?

– У меня большой напряг, сам понимаешь, конец года. Несколько больших совещаний, телефон будет отключен. Я выслал по почте свои небольшие замечания по регламенту взаимодействия инвестиционного фонда и компаний, в вопроснике надо уточнить технические критерии и уйти от общих критериев.

– Это требование Ярослава?

– Да, он настаивает. Начальник есть начальник, я пытался убедить, но не очень получилось.

– Иван, но ты же понимаешь, что в общий вопросник нельзя вводить частные технические требования. Тогда вернемся к моему предложению – сделаем два вопросника – один общий, а второй – специализированный. Первый – для допуска к инновационному конкурсу, второй – для решения вопроса о финансировании.

– Ты еще раз посмотри, успеешь переделать, время есть. Давай для надежности перенесем время встречи.

– На который час? – немного с досадой спросил Сергей Георгиевич, предвидя, что ему придется остаться в Москве.

– На семь часов вечера. И еще, сегодня надо будет подписать акт приемки работы. Образец я высылаю.

– Ладно, до встречи.

Надо было предупредить Татьяну Александровну, что обстоятельства изменились.

– Таня, встреча с Иваном перенесена на вечер, на семь часов, в деревню вернусь поздно, – сообщил Сергей Георгиевич.

– Может быть, останешься? Какой смысл возвращаться? Из Москвы ты выедешь часов десять, сам понимаешь, что поймашь пробку. Народ штурмует супермаркеты, все дороги и съезды забиты. Лучше приезжай с утра.

– Ты права, в предновогодние вечера Москва стоит. Таня, я после встречи перезвоню.

Положив трубку, Сергей Георгиевич ощутил наличие свободного времени, что редко у него было. Это было странное ощущение – легкая эйфория, небольшая расслабленность, возможность неторопливо думать. Думалось лениво, мысли не спешили. Постепенно стала преобладать тема, которая доминировала в последнее время. В обществе что-то безвозвратно изменилось, подумал Сергей Георгиевич. Оппозиция дала сигнал власти о своем отношении к выборам, действиям власти. Даже обозреватель, пусть осторожно, но высказывал свой взгляд на смерть Магнитского.

Размышляя об изменениях в обществе, которые стали проявляться, Сергей Георгиевич вошел в кабинет и сел за компьютер. Загрузив и быстро просмотрев почту, Сергей Георгиевич неожиданно открыл файл, в который записывал свои афоризмы, и допечатал: «Большое предательство интересов народа властью начинается с равнодушия и самообмана маленького чиновника».

* * *

Сергей Георгиевич убирал со стола посуду, когда раздался еще один телефонный звонок.

– Сергей Георгиевич, добрый день. Вас беспокоит...

– Олег Борисович, я узнал Вас, – быстро отреагировал Сергей Георгиевич.

– Почти год прошел, а Вы меня узнали... То ли я настолько плохой, то ли наши встречи оставили не самый плохой след в памяти?

– Последнее, – поспешил внести ясность Сергей Георгиевич. – Что-нибудь случилось?

– Особого, пожалуй, нет. Но хотелось бы встретиться, поговорить. Надеюсь, что не откажетесь от встречи.

Последовала пауза. Сергей Георгиевич задумался, потом высказал свое предположение:

– Это связано с книгой «Мифы и реальность нового порядка»?

В телефонной трубке раздался смех. Олег Борисович не стал скрывать своего удовольствия:

– С Вами приятно иметь дело. Вы быстро определяете суть. Можем договориться о встрече?

– Безусловно. Когда?

– Можем встретиться, если это не нарушит Вашего общения с внуком и не заняты работой, сегодня?

– Вполне, если это не вечер. Вечер у меня занят.

– Нет, можно и в первой половине дня, – предложил Олег Борисович.

– Когда и где встречаемся?

– Если не возражаете, у меня. Машину я пришлю. Учитывая, что вечер у Вас занят, думаю...

– Только не скажите, что машина уже ждет!

– Нет, но, может быть, Вас встретить у выхода из арки? Минут через двадцать-тридцать, это устроит?

– Сойдет, – согласился Сергей Георгиевич. – Встречаемся у вас? Будут еще люди?

– Вопрос с чем-то связан? – поинтересовался Олег Борисович.

– Простая проза – что надеть и как выглядеть?

– Предполагаю, что будем мы одни.

– Не возражаете, если я буду без галстука?

– Это меня вполне устраивает, можете прийти в джинсах. Я, кстати, в этом случае буду одет аналогично. Мы можем позволить себе немного расслабиться. Надеюсь, не возражаете?

– Немного расслабиться можно – я помню наши прошлогодние встречи, они оставили весьма приятное впечатление, – подтвердил Сергей Георгиевич.

– Тогда я попрошу Вас предупредить супругу, что мы немного посидим. У нас есть, о чем поговорить.

– С удовольствием встречусь.

* * *

Несколько дней Сергей Георгиевич был не в своей тарелке. Внешне это ничем не проявлялось. Но его супруга, Татьяна Александровна, быстро определила его состояние. Найдя удобный момент, когда они были вдвоем, Татьяна Александровна напрямую спросила:

– Что-нибудь случилось?

Ответ прозвучал уныло, но убедительно:

– Нет, все в порядке.

Может быть, в другом случае ответ прозвучал бы более убедительно, не будь десятилетий совместной жизни, которые научили распознавать чуть больше, чем слышишь. Поэтому вопросы продолжились. И делала это Татьяна Александровна только с одной целью – позволить Сергею Георгиевичу выйти из той непонятной ситуации, которая довлела над ним, а он замкнулся.

– И все-таки?

– Нет, Таня, ничего существенного.

– Я же вижу, что-то тебя тревожит.

Скрывать не было смысла, не было и причины.

– Я все думаю о книге «Мифы и реальность нового порядка».

– С книгой вроде все решено, – удивилась Татьяна Александровна. – Насколько я помню, тебе надо только сдать в издательство.

Сергей Георгиевич кивнул, посмотрел на жену, улыбнулся.

– Меня беспокоят последствия.

– Могут быть неприятности? – с тревогой спросила жена.

– Нет, – поспешил успокоить Сергей Георгиевич. – Не думаю, что будут физические угрозы. Просто могут измазать грязью так, что мало не покажется. Набросятся все: политики, ученые, аналитики, но за ними будут стоять люди, которые считают себя элитой.

Сергей Георгиевич задумался. Татьяна Александровна не торопила его и терпеливо ждала, когда он расскажет о том, что его тревожило.

– Они считают, что только они могут определять направления развития, конструкцию будущего, – продолжил Сергей Георгиевич. – А по большому счету прогнозируют и реализуют будущее только под свои интересы. В этом суть элиты, как национальной, так и мировой. Остальные искренне изображают свою значимость, не подозревая, что являются марионетками в руках опытейших кукловодов. А где интересы людей? Их не воспринимают. Они вроде не существуют в природе. Есть электорат, а людей, имеющих свои взгляды на власть, политическую систему – нет. Почему не может быть новый порядок, построенный и определенный людьми? Такой подход и взгляд я изложил в книге.

– Ты хотел написать эту книгу? Написал. Ты считал, что ее надо опубликовать? Надо публиковать. А обзывать будут – будем говорить: «Сам дурак».

– Можно и Интернет отключить, – с улыбкой продолжил Сергей Георгиевич.

** * **

Когда бронированный «Мерседес» подъехал к парадному входу, Олег Борисович, хозяин коттеджа, уже ждал у дверей. Одет он был просто – в джинсах, сорочке без галстука и свитере.

Вышедшего из автомобиля Сергея Георгиевича Олег Борисович встретил радушно, с улыбкой. И Сергей Георгиевич не скрывал, что и он рад встрече. Быстро пройдя холл, где Сергей Георгиевич оставил дубленку, мужчины направились на веранду.

Все, как в прошлый раз, подумал Сергей Георгиевич, проходя кабинет Олега Борисовича. И причина та же – книга. Но эта мысль не испортила настроения, Сергей Георгиевич предвкушал наслаждение от беседы с умным и знающим человеком.

Все тот же круглый столик на веранде, только придвинут ближе к большому окну. Олег Борисович рукой указал на стул, а сам сел на другой, который стоял под углом к первому.

Такое расположение позволяло мужчинам прекрасно видеть друг друга и одновременно смотреть на поляну и лес, примыкающий к поляне.

Олег Борисович, улыбаясь, сказал:

- Не скрою, рад видеть.
- Взаимно. Словно расстались вчера.
- Да, год пролетел незаметно.

* * *

Прошло около года, как в университете появились Иса и Роман, два рослых брата с явной внешностью представителей Северного Кавказа, возможно, чеченцы. Сергей Георгиевич сразу же обратил внимание на них, случайно столкнувшись в коридоре. После этого он стал внимательно к ним присматриваться. Наглость и самоуверенность в общении с окружающими не оставляли ни малейшего сомнения в роде их деятельности. Аккуратно, чтобы не вызвать ненужных вопросов, Сергей Георгиевич начал собирать информацию. По официальной версии они были студентами-заочниками. Поэтому у них были студенческие билеты, и они свободно проходили в университет. Они явно кого-то прессинговали. По тому, что их видели несколько раз с начальником отдела кадров, можно было предположить, что они вынудили его сделать фальшивые студенческие билеты. Были замечены они и у деканата альтернативных форм обучения, которому подчинялись студенты-заочники. Декан факультета, Алексей Федорович, иногда намекал на свои связи с ответственными работниками спецслужб. Сергей Георгиевич немного скептически относился к его «случайным» намекам, предполагая, что уровень знакомства специально преувеличивался для подчеркивания собственного значения. Признание Алексеем Федоровичем факта, что один из них, Роман, числится студентом, насторожило Сергея Георгиевича. Было непонятно, чего больше было в этом факте – слабости декана или силы чеченцев. Вскоре удалось в деканате узнать интересный факт – Иса тоже был студентом, но его быстро исключили.

Все стало ясно. Иса и Роман действовали через Алексея Федоровича. Как и по каким документам они поступили, Сергея Георгиевича не волновало – это не входило в круг его служебных обязанностей. То, что Ису отчислили, говорило о слабости братьев. Иса получил свой после отчисления или новый студенческий билет с помощью начальника отдела кадров – это было вне сомнений. Осталось выяснить ответ на основной вопрос – братья действовали в университете по поручению какой-нибудь криминальной группировки или по собственной инициативе, в попытке получить дополнительный источник дохода.

Сергей Георгиевич не сомневался, что они изучают университет и выйдут на него. Наезда не избежать. В университете сложилось мнение, чему способствовал и соответствующий приказ, что аренда находится в ведении Производственного центра, которым руководил Сергей Георгиевич. На самом же деле вопросы аренды крупных помещений были в компетенции ректора и первого проректора. А Сергей Георгиевич мог подготавливать договоры аренды для небольших арендаторов, которые торговали канцелярскими товарами, печатали фотографии и предоставляли другие услуги. Такая ситуация очень устраивала ректора и проректора, которые в случае посещения незваных гостей отсылали их непосредственно к Сергею Георгиевичу со словами:

- Все вопросы аренды решает он.*

В лихие российские 90-е годы аренда помещений была одной из составляющей теневой экономики. С такой меркой и приходили в университет незваные гости, желающие что-то отхватить у университета или подоить кого-нибудь. Надо было ожидать прихода братьев-чеченцев и выстроить линию защиты для университета и себя лично. Обращаться в милицию было бессмысленно. Обращаться в другие структуры – быть их должником. А

сколь обоснованы тревоги, нет ли больше бравады со стороны братьев и искусственного нагнетания давления и страха, чтобы придать себе большего веса? Что, если они нагло продавливают желаемое для них решение – присосаться к университету? В этом случае братья блефуют. Что ж, решил Сергей Георгиевич, пусть приходят, если блеф, тогда и мы поблефуем. Поиграем в шахматы. Главное, не дать им повода руками махать. А там пусть попробуют определить, где блеф, а где – правда.

Они вошли в кабинет Сергея Георгиевича решительно, отодвинув секретаря Наташу, которая не успела и слова сказать. Не снимая пальто, братья развалились в креслах. Сергей Георгиевич готов был вспылить, но понимал, что этого делать нельзя. Все бандиты действуют одинаково, основная задача – спровоцировать, напугать. Поэтому Сергей Георгиевич спокойно сидел и выжидал, давая им возможность действовать дальше.

Пауза затянулась, Сергей Георгиевич ничего не говорил, только смотрел в упор то на одного брата, то на другого, и не моргал. В детстве во дворе часто играли в «моргалки» – смотрели в глаза друг друга до тех пор, пока кто-то первым моргнет. В этой игре маленький Сергей был лидером.

Очевидно, что они не рассчитывали такое развитие событий, им было привычнее услышать слова гнева за грубое проникновение в кабинет, после которых они обрушивали поток грозных слов и подавляли противника. В создавшейся ситуации им приходилось по ходу выстраивать новую тактику разговора. Сергей Георгиевич же продолжал молчать и не моргал, упорно всматриваясь в лица.

– Мы зашли познакомиться, – начал разговор старший брат Иса, ему было лет тридцать.

– На Кавказе так не заходят знакомиться, – неожиданно для них быстро отреагировал Сергей Георгиевич.

Он давно продумал тактику первого разговора с ними. Суть была в том, чтобы не вступать в дебаты, особенно на первом этапе. Мелкими поправками и уточнениями, которые они не могли отвергнуть, словно паутиной их обмотать, лишить инициативы, а потом уже решать, что и как с ними делать.

– Нет, знакомиться лучше по-другому, но мы видим, что Вы несколько раз нас видели в коридоре, но никак не хотите познакомиться, – вступил в разговор Роман, которому было лет двадцать пять-двадцать шесть.

– Я должен знакомиться со всеми студентами, которых встречаю? – спокойно спросил Сергей Георгиевич.

– Нет, конечно, но мы – не простые студенты. Мы решаем вопросы, – продолжил Иса.

– Откуда я мог знать, что вы не простые студенты? Может быть, вы решаете какие-то вопросы, но откуда я могу знать и об этом? Тем более что ты, Иса, не студент.

– Да, это билет только для того, чтобы в университет заходить.

Ответив так, Иса понял, что допустил ошибку, он признался, что пройти охрану университета для него проблема. Как же тогда решение серьезных проблем? Поэтому он поторопился внести ясность:

– Нет, конечно, я их продавливаю, но каждый раз на это тратить время?

Разговор продолжался минут десять, а к главному братья так и не подошли. Они понимали, что теряют нити разговора, а Сергей Георгиевич каждый раз поднимает другие вопросы. Роман стал нервничать и решил говорить открыто:

– Вы занимаетесь арендой, так сказал ректор и первый проректор, Вы сидите на денежных потоках...

– На официальных потоках, – поправил Сергей Георгиевич, – которые официально поступают на расчетный счет университета. Я понимаю, что вас беспокоит, – черный нал. Его я не беру, покажите мне хоть одного арендатора, который скажет, что мне пла-

тит. Задайся вопросом, почему в дождь, снег и ветер я пользуюсь общественным транспортом, хожу пешком и без охраны? В часы пик меня сдавливают как селедку в бочке в метро, трамвае и автобусе?

– Нет, все говорят, что Вы не берете, мы это знаем, поэтому хотим помочь, – приступил Иса к изложению главной задачи. – Может быть, Вам неудобно с ними общаться, мы готовы и возьмем эти функции на себя.

Вот, подумал Сергей Георгиевич, братья и выразили свою цель – сесть на потоки от аренды, ссылаясь на него. Разрешить эту проблему было необходимо сразу, не откладывая и четко, иначе они будут прессинговать, ссылаясь на туманную договоренность типа «но Вы не отказали». Стало ясно, что они не представляют определенную преступную группировку – в этом случае они говорили бы иначе. Этот факт значительно упрощал задачу.

Сергей Георгиевич опять выдержал паузу. Когда братья заерзали в креслах, что свидетельствовало о том, что их нервы на пределе, он задал вопрос:

– С кого хотите начать?

– В третьем корпусе общежития большая фирма сидит, пусть платит, – поторопился с определением Роман.

Хорошо, подумал Сергей Георгиевич, мозгов хватило не трогать главного арендатора, который заключил договор аренды помещений до прихода Сергея Георгиевича в университет. Понимают, что эти быстро с ними справятся. И последствия будут не очень приятные – либо этап, обеспеченный милицией, либо накажут свои же братки за то, что залезли не в свой огород. Нет, за ними никто точно из серьезных авторитетов не стоит. Так, голодные и без дела братки, решил Сергей Георгиевич. Можно их ставить на место.

– Так ты предполагаешь планировать свою деятельность? – спросил Сергей Георгиевич, но в голосе звучали нотки неудовольствия.

– Приду и прямо скажу – платите. Будут сопротивляться, расторгнете договор аренды, – в развязанной манере ответил Роман.

– Ты уже за университет решаешь? – тихо произнес Сергей Георгиевич. Было очевидно, что он злится. – А за все кто будет отвечать?

– Никакого риска нет, – заступился Иса. – Поворчат, потом заплатят. Я слышал, что хозяин из Узбекистана, бывший министр, бабок куча.

– Нет, я спрашиваю, кто будет отвечать, – настойчиво требовал ответа Сергей Георгиевич.

– За что отвечать? – почти одновременно спросили братья.

– За что? За то, что из-за вас мне снесут голову, в лучшем случае останусь без работы. Про деньги слышали и все – университет побоку, на проблемы Сергея Георгиевича наплевать. Лишь бы урвать, потом слиняете, а мне разгребать все дерьмо.

– Сергей Георгиевич, мы не привыкли, чтобы с нами так говорили, – зло огрызнулся Иса.

Роман встал. Его глаза горели от злобы, всем своим видом он демонстрировал угрозу.

– Нет, ребята, с вами дел я не буду иметь. Вы влезаете в третье общежитие, ничего не зная о фирме. Кто хозяин, вы знаете? Он вас порвет, скомкает и выбросит на свалку. Этот человек без понтов, без охраны, но только сунься, и мало не покажется во всех вариантах.

– Что, такой авторитет? – удивленно спросил Иса.

– Нет, он предприниматель, крупный. Знаешь, что он генерал-лейтенант, хозяин патронного завода? Знаешь, что его зять, вор в законе и большой авторитет в России, с середины восьмидесятых годов живет в США? Вы хоть раз проишли мимо здания и обратили внимание на номера «Мерседесов», которые там припаркованы? И вы решили сунуться к нему и вымогать деньги от моего имени?

Последние вопросы сбили с толку братьев, они приуныли, понимая, что сели в лужу. Сергей Георгиевич не собирался упускать инициативу.

– Дальше, на первом этаже у него стоматологическая поликлиника. Кто туда ходит, знаете? Вам в голову не приходило, что до Кремля, Госдумы и большинства министерств всего семь-десять минут езды, а там, в клинике, удобно встречаться людям, которые не должны встречаться по определению? В силу политического расклада, должности и профессии. На третьем этаже клиника по лечению от наркозависимости. Кого там лечат, я не знаю и знать ничего не хочу, но догадываюсь. Удобно быстро доехать проведать сына или дочь, а для всех он заехал в стоматологическую поликлинику. И вы туда хотите сунуться? Интересно, вы собирались прийти к Евгению Сергеевичу и сказать: «Мы от Сергея Георгиевича, вас обкладываем данью?» Он позвонил бы мне и спросил, что у меня с головой, что с вами делать и кому вас передавать. Может быть, мне сейчас позвонить ему и рассказать о вас? Интересно, где вы окажетесь вечером.

Сергей Георгиевич замолчал. Говорить ему больше не хотелось, и видеть их не имел желания. Надо было заканчивать разговор.

– Идите, будем считать, что я ничего не говорил, а вы не приходили. Но разочаровали вы меня окончательно. Кто и что здесь контролирует, догадайтесь сами. Хотите учиться или делать вид, что учитесь – ваша проблема.

– Не обижайтесь... – что-то еще они сказали и направились к выходу.

Они были у самой двери, когда Сергей Георгиевич предупредил:

– Мелких арендаторов не трогать. Они не привыкли платить, и обороты с киоска не те, чтобы платить. Будете напрягать, сдадут. Мне лишний шум в университете не нужен.

Сергей Георгиевич легко решил проблему, ему казалось, что этот вопрос больше не будет поднят, но он ошибался. Через несколько лет они вернутся злыми, обиженными и голодными, и по маленькой проблеме ректора создадут ему большую головную боль.

* * *

– Надеюсь, что добрались без приключений, – поинтересовался Олег Борисович. – Уж больно погода капризная, и дороги в ужасном состоянии.

– Добрались без приключений, – подтвердил Сергей Георгиевич. – А ДТП на этот год мне достаточно. Перевыполнил норму.

– Что-нибудь случилось с Вами?

– За все мои годы вождения я участвовал в одном ДТП – лет пять-семь тому назад меня притер с левой стороны большой грузовик – он меня не видел.

– Вы выгодный клиент страховой компании, – с улыбкой сказал Олег Борисович. – А что произошло в этом году?

Сергей Георгиевич не сразу ответил, словно обдумывал: стоит ли рассказать. Потом начал рассказывать про свое происшествие:

– Почти неделю назад, когда был установлен рекорд снегопада за один день, я с супругой направлялся в деревню. За рулем был я. Снегопад был настолько сильным, что все дороги занесло за несколько минут.

– Этот тот случай, когда есть направление, но нет дороги?

– Точно, – подтвердил Сергей Георгиевич. – После последнего светофора на выезде из Дедовска пришлось объезжать стоявший грузовик. Объезжаю и вижу двух мужчин, которые перебегают дорогу перед грузовиком. На них капюшоны, они опустили головы, чтобы снег не бил в лицо. Ничего не видят, ни на что не обращают внимание. Бегут.

* * *

Конец зимы 1994 года. Был сильный снегопад. Сергей Георгиевич и Татьяна Александровна с удовольствием сидели бы дома, но одно обстоятельство заставило их выйти в такой снегопад.

Их было трое – старшая Таня, Ира и младшая Марина. Марина и Ира были двоюродными сестрами. Таня и Ира проживали в одном одноэтажном деревянном доме. Кроме того, Таня приходилась им дальней родственницей – родство терялось на уровне бабушек. Но девочки росли дружно, связи не теряли и после того, как переехали, вышли замуж и родили детей.

Марина позвонила и сделала неожиданное предложение:

– Таня, мы с Витей уезжаем недели на три. Не переедешь с Сергеем на это время в нашу квартиру? Нас бы это очень устроило.

Времена были лихие, оставлять квартиру без присмотра было опасно. Таня была в растерянности и не смогла сразу дать однозначный ответ – она не знала планов мужа.

– Марина, я переговорю с Сергеем, он на работе, и тебе перезвоню.

Не с первой попытки застав мужа, который часто оказывался в разных корпусах университета, по рабочему телефону, Татьяна Александровна изложила просьбу Марины. На удивление, Сергей Георгиевич дал быстрый ответ, он практически не раздумывал – пожить вдвоем в трехкомнатной квартире было заманчиво.

– Очень удачно, я смогу привести в порядок документы по фирме. На работе не могу – не хочу, чтобы знали, а дома – не удастся. Марине передай большой привет. Когда надо переезжать?

– Не знаю, я еще не уточняла.

Вечером Татьяна Александровна сообщила, что договорилась с Мариной, и завтра надо будет поехать к ней за ключами.

– Сможешь подъехать к шести часам к Марине? Или приезжай домой, вместе поедem к ней. Как у тебя со временем?

Сергей Георгиевич немного подумал, потом предложил:

– Я постараюсь заехать домой. Завтра у меня получение большой партии кондитерской продукции на фабрике «Красный Октябрь». Одну машину загрузим, я передам документы водителю, и она поедет в Сибирь. А вторая завезет груз на склад. Это могут сделать и без меня. На следующий день проверю на складе. Жди меня, к Марине поедem вместе.

На следующий день возникли небольшие проблемы с погрузкой, что привело к задержке. Не последнюю роль в этом сыграл сильный снегопад, который обрушился на Москву. Поэтому Сергей Георгиевич позвонил и предупредил Татьяну Александровну:

– Таня, я немного задерживаюсь. Буду ждать тебя в метро. Учти, идет снег, все занесено. Может быть, лучше будет, если пойдешь пешком и не будешь ждать автобуса.

Дом, в котором жила Марина, находился в семи минутах ходьбы от метро «Варшавская». Когда Марина открыла дверь, она увидела две фигуры, упакованные в снег, это были Сергей и Таня.

– Вот это сюрприз! Как вы дошли?

– Держались друг за друга, – пошутил Сергей, – плотно держались. Хочу пожаловаться – Таня отказалась сделать еще один круг.

– Это из-за меня она отказалась, – поддержала шутливый тон Марина. – Время ограничено. В следующий раз догуляете.

За чашкой чая с заграничными пирожными, которые только стали появляться в Москве, и за разговорами про жизнь Марина объяснила, что и где лежит, как открываются и закрываются двери и замки, где вентили. После этого передала ключи.

– Когда переедете? – поинтересовалась Марина.

– Как кончится снегопад, так сразу, – ответил Сергей.

Прощавшись с Мариной, он с женой направился домой. Оба предвкушали праздник жизни, ощущали прилив энергии, в голове кружились разные мысли. Снег усилился и бил в лицо. Пришлось опустить голову, чтобы глаза не забивались снегом.

Узкая полоска света стремительно заполняла пространство у ног. Сергей Георгиевич поднял голову и увидел автобус, который двигался на них. Он успел только прикрыть жену, как почувствовал легкий толчок в спину.

У станции метро была большая площадка, у некоторых автобусных рейсов там была конечная остановка. Эта площадка имела небольшой наклон. Автобус только тронулся с места и не успел набрать скорость, а небольшим подъем, который он преодолевал, позволил ему относительно быстро остановиться. Сочетание этих факторов позволило радостной паре чудом избежать травм.

Пройдя несколько метров, Сергей Георгиевич прижал жену, которая не видела момента наезда автобуса, но была встревожена больше него.

– У тебя ничего не болит?

– Нет, он меня даже не коснулся, – немного соврал и постарался спокойно прокомментировать ситуацию Сергей Георгиевич. – Но был вариант, что мы устроили бы праздник для себя и всех остальных.

– Больница не входит в регламент нашего предстоящего праздника.

Они дружно засмеялись, радостные и довольные направились к метро, а мысленно уже готовились к переезду. Только Сергей Георгиевич долго не мог забыть глаза водителя автобуса и его руки, которые намертво вцепились в руль.

** * **

– Я по тормозам, – продолжил рассказ Сергей Георгиевич, – но...

– ...машина как катилась, так и катится? – предположил Олег Борисович.

– Точно, – подтвердил Сергей Георгиевич. – Наехал на них.

– Они пострадали?

– Одного слегка подкинуло на капот, второго не затронул.

– Что-нибудь серьезное? – напряженно спросил Олег Борисович.

– Да нет, тут же убежали. А я остался стоять. Включил аварийные сигналы.

На лице Сергея Георгиевича пробежала тень глубокого огорчения, что свидетельствовало о пережитом волнении. На какое-то мгновение он замолчал. Олег Борисович быстро оценил ситуацию и не дал разговору перейти в томительную паузу.

– Вы вызывали инспекторов ДПС? – поинтересовался он.

– Хотел, но потом передумал, – несколько отрешенно произнес Сергей Георгиевич.

– Почему?

Сергей Георгиевич левой рукой поправил волосы на висках, потом провел по подбородку. Эти незначительные движения показывали насколько свежи в его памяти ощущения того происшествия.

– Когда мы ехали, я видел огромное количество аварий. Многие водители ждали инспекторов. В обычный день инспекторов люди ждут не один час, а в такой снегопад ждать пришлось бы часа три-четыре, скорее больше.

Олег Борисович утвердительно кивнул. Это подействовало на Сергея Георгиевича одобряюще, и он стал бодрее излагать историю своего происшествия.

– Включил аварийные сигналы, сел в машину и думаю. Приедут инспектора. Я стою посередине дороги, перекрыл ее. За мной огромная пробка. Меня спрашивают, что случилось. Я говорю, что наехал на двоих. Вопрос: где они? Убежали. Что скажут инспекторы? Думаю, кроме хорошего мата, у них не нашлось бы слов. У них аврал по полной программе, а тут интеллигент на кого-то наехал, а сам не знает, на кого. Короче, дурью мается.

– Да, ситуация прогнозируемая, – согласился Олег Борисович. – Слов благодарности Вы точно не слышали бы. А как быть со страховкой? Если есть повреждения, тогда нужна справка от инспекторов.

– У меня обязательное страхование – ОСАГО. КАСКО второй год не оформляю, нет необходимости – машину мою не угонят, не престижная, а аварии я избегал уже лет семь. Поэтому справка мне не поможет – чинить придется самому. Существенных повреждений нет. На лобовом стекле у меня было несколько сколов от камней – в летнее время дороги постоянно чинят, кругом гравий, вот и камушки летают. Между сколами, возможно, от удара рукой, появились трещины. Стекло придется менять. Все равно весной собирался это сделать.

– Хорошо, что так все закончилось. Хотя... любая авария в лучшем случае оставляет неприятный осадок, – заключил Олег Борисович.

* * *

Суббота выдалась теплой и солнечной. Рано утром Сергей Георгиевич и Татьяна Александровна на «Шкоде» направились в супермаркет. Набрав продуктов, выпив свежевыжатого сока, простояв у кассы, они вышли на стоянку с двумя тележками.

Загрузив в багажник покупки, Сергей Георгиевич не стал садиться в машину и подождал, пока Татьяна Александровна развернет машину, иногда подсказывая ей, насколько необходимо вывернуть руль. Возвращались домой они в хорошем настроении. У светофора на пересечении проспекта Андропова и Каширского шоссе остановились. Они стояли первыми в правом ряду, слева стоял автобус. На зеленый свет светофора водитель автобуса тронулся первым, за ним последовала Татьяна Александровна. Проехав несколько метров, автобус резко затормозил. Из-за автобуса вынырнула новенькая «БМВ», которая летела на красный сигнал светофора. Татьяна Александровна резко затормозила, но избежать столкновения не удалось. «Шкода» врезалась в правую переднюю дверь. «БМВ» проехала несколько метров и остановилась. Сергей Георгиевич, убедившись, что с Татьяной Александровной все в порядке, вышел из машины, но через пару шагов стал прихрамывать на правую ногу, на нее пришелся удар об приборную доску. Навстречу бежал водитель «БМВ».

– Простите, я виноват, вы не пострадали?

– Кажется, нет.

– А нога?

– Не думаю, что что-нибудь существенное.

После этих слов водитель «БМВ» направился к Татьяне Александровне, которая включила аварийную сигнализацию и вышла из машины.

– Простите меня, задумался. Все это из-за ремонта квартиры – того не хватает, это надо срочно купить, вот и летел на «Каширский двор» за недостающим стройматериалом. Когда увидел, что загорелся красный, было поздно, решил, что проскочу.

Мгновенно возникла колоссальная пробка. Водитель «БМВ» еще раз подтвердил, что он виноват, и предложил переставить машины к тротуару. На обочине Каширского шоссе стояли еще два автомобиля, участники ДТП, и машина ГАИ. Инспектор оформлял прото-

кол ДТП. На вопрос Сергея Георгиевича он ответил, не отрываясь от чертежа, который рисовал под строгим контролем участников аварии:

– Звоните в центральную диспетчерскую, без этого я не ничего не буду оформлять. Там решат, кто будет оформлять ваш протокол.

В центральной диспетчерской долго не принимали сообщение об аварии, отвечая, что инспектор уже выехал. Пришлось объяснить, что это другая авария, а инспектор оформляет протокол первой аварии. После небольшой паузы сообщили:

– Ждите, инспектор придет.

Первый инспектор, оформив все документы, уехал. Другого пришлось ждать более часа. Приехал он в плохом настроении, словно мы оторвали его от интересного занятия.

– Почему убрали машину? Что я буду фиксировать?

Доводы, что присутствуют все участники ДТП, что они однозначно подтверждают ситуацию, на него не очень подействовали. Возникла странная ситуация. Татьяна Александровна стояла в растерянности, не зная, что делать.

– А что, мы должны были оставить машины, перекрыв движение по проспекту и шоссе? За полтора часа, что мы ждали вашего приезда, половина Москвы встала бы, – резко вспыхнул Сергей Георгиевич.

Только после этого инспектор дал лист бумаги и предложил нарисовать схему расположения автомашин во время аварии. Потратив минут тридцать на оформление протокола, обменявшись телефонами с водителем «БМВ», Сергей Георгиевич и Татьяна Александровна поехали дальше.

– Как себя чувствуешь? Коленки не дрожат? – спросил Сергей Георгиевич.

– Нет, только машину жалко.

Передний бампер терся об асфальт. Отодрать его на месте аварии Сергей Георгиевич не сумел. Пришлось ехать под непрерывный скрежет, что еще больше расстраивало Татьяну Александровну.

– Подвела я свою девочку, – ласково обратилась она к своей машине.

Вечером, забрав с собой часть покупок, Сергей Георгиевич и Татьяна Александровна поехали к дочке. Перед отъездом Сергей Георгиевич спилил часть бампера, и скрежет исчез. Вечер был скомкан, как ни старались Наташа и ее муж Антон придать застолью праздничность, настроение было испорчено. Осадок от аварии удручал.

* * *

На столе стояла бутылка старого коньяка. Олег Борисович быстро открыл и налил в большие хрустальные бокалы.

– Не предлагаю другие напитки. Помню, что во время наших прошлогодних встреч мы чаще всего пили коньяк.

– Все, как в прошлый раз, – согласился Сергей Георгиевич. – У меня ощущение легкого дежавю. Тем более, я предполагаю, что причина та же – книга.

– Вы, как всегда, точно просчитываете обстоятельства. Поговорим об этом потом, сейчас давайте выпьем за нас.

Сергей Георгиевич с удовольствием поддержал тост, добавив:

– За нас, за год, который прожили, за изменения, которые произошли.

Олег Борисович удивленно посмотрел на Сергея Георгиевича.

– Что Вы имеете в виду?

– Естественно, что за год произошли изменения в жизни, мы стали на год старше.

– Не думаю, что это Вы имели в виду, – настороженно сказал Олег Борисович.

– Конечно, не возрастные изменения я имел в виду. Может быть, ошибаюсь, но я мельком видел молодую девушку лет четырнадцати, которая с любопытством разглядывала нас из кабинета, когда мы направлялись на веранду. Не она ли была причиной определенных напряжений в вашей личной жизни? – спросил Сергей Георгиевич, а на лице проскочила лукавая улыбка.

– Вы помните наш разговор? – удивленно спросил Олег Борисович, но было видно, что он рад внимательности Сергея Георгиевича. – Потрясен Вашим предположением.

– Так я прав?

– Точно, – коротко ответил Олег Борисович и кивнул.

– Вот за это и выпьем, – предложил Сергей Георгиевич.

Вошла молодая девушка с двумя чашками кофе. Когда она подошла к столику и поставила их, Олег Борисович встал и представил:

– Это Маша, моя...

– ...дочка, – продолжил Сергей Георгиевич и протянул руку. – Будем знакомы – Сергей Георгиевич.

Маша смутилась, не стала возражать, приветливо улыбнулась, пожала протянутую руку, пробормотала «приятно познакомиться» и смущенно покинула веранду, но чувствовалось, что она весьма довольна.

– Спасибо, – тихо произнес Олег Борисович, потом добавил: – Как-то она видела у меня вашу книгу афоризмов, попросила дать почитать. Потом взяла вторую книгу. Когда сегодня сказал, что Вы будете в гостях, она попросила познакомиться. Не возражаете?

– Почему я должен возражать? – удивленно спросил Сергей Георгиевич. – Тем более что уже познакомились. Надеюсь, что мы с ней поговорим. Еще раз, рад, что у Вас все наладилось.

Разговор неожиданно прервался. Тишина, словно некая материя, проникала во все пространство веранды. Эта упругая воздушная материя не способствовала движению звука. Мужчины это чувствовали, поэтому смотрели на лес, поляну и молчали.

* * *

Они долго молчали. Время шло, а решение надо было принимать.

– Сергей Георгиевич, от университета кто-то должен быть. Иначе они разнесут все. Это серьезные люди, с ними шутить нельзя.

– Максим, ты был у ректора, что он сказал? – спросил Сергей Георгиевич и сам же продолжил: – Можешь не говорить, все свалил на Александра Борисовича.

– Точно, только добавил, что его самого не будет на месте, он должен отъехать.

Сергей Георгиевич с удивлением посмотрел на Максима и усмехнулся. Спонтанные отъезды ректора в ответственные моменты, которые часто возникали в «горячие 90-е годы», он уже познал. А моменты эти возникали с определенной периодичностью – бандиты различных мастей заглядывались на имущество университета.

– Ладно, вариант с ректором отпадает, а что сказал Александр Борисович?

– Вам поручили аренду, Вы и разбирайтесь.

– Отлично, – возмущился Сергей Георгиевич, – мне поручили, а тот договор аренды они заключили, они и ходят к тебе обедать. А я должен разруливать.

– Какой прок от них, Сергей Георгиевич? Они понятия не имеют, что такое стрелка, разборка. Один со страху скажет что-нибудь не то, а Александр Борисович поведет себя не так – станет говорить как прибалтанный, потом в проблемах захлебнемся.

– Ты так говоришь, словно я каждый день участвую в бандитских разборках и стрелках.

– Вы умеете говорить, это главное. Потом, не изображаете из себя крутого. Вы такой, какой есть. Вы не подстраиваетесь под ситуацию и не создаете ситуацию. Бандиты при наезде это чувствуют. Пойдем? – Максим продолжал настаивать.

Выхода не было, надо было встречаться. Сергей Георгиевич это понимал, хотя ситуация ему была противна. Встречи с такими людьми всегда оставляли негативный осадок от их наглости, упрямого желания подавить, унижить и сломать человека.

– Кто будет с тобой?

– Подтянутся ребята, двоих Вы видели – это Алексей, бывший хоккеист, и Витек, боксер, – сообщил Максим. – За Вами зайти? Вместе пойдем.

– Пойдете без меня.

– Как? – удивленно спросил Максим.

– Я приду отдельно, не надо, чтобы они нас считали одной командой. У вас возникла спорная ситуация. Я третье лицо, представляю университет, я независим. Когда и где назначена встреча?

– В двенадцать часов, улица Панфилова, напротив рыбного магазина. С той стороны, где забор гаражного кооператива.

Был конец марта 1995 года, но весна задерживалась, а серый день и пронизывающий холод больше напоминали осеннюю погоду. Сергей Георгиевич надел пальто и направился на стрелку. В коридоре он увидел торопящегося ректора и Александра Борисовича. Ректор устремился к выходу, где его ждал «Форд», который был приобретен на средства спонсоров при активном участии Сергея Георгиевича, а Александр Борисович отправился к себе домой на обед и последующий отдых, который для всех представлялся встречей с возможными спонсорами.

Сергею Георгиевичу было обидно, что его в очередной раз использовали для решения проблем, которые он не создавал. Даже не позвонили, не попросили. В силу определенных обстоятельств он оказался сотрудником пищевого университета и вынужден был решать проблемы университета, иногда и личные проблемы ректора и проректора.

Пройдя по территории университета, Сергей Георгиевич вышел на улицу Панфилова и направился на место встречи. Издалека он увидел группу людей и большое количество машин, которые скопились у забора автомобильного кооператива, за которым находились одноэтажные гаражи. Он обратил внимание, что все машины были черного цвета, в центре стояли двое мужчин, одетые в пальто черного цвета. Одним из них был Максим. Чуть поодаль стояли ребята – все спортивного телосложения, большинство из них были одеты в черные кожаные куртки.

Сам Сергей Георгиевич тоже был одет в модное черное пальто кроя «реглан», на котором настояла его супруга – Татьяна Александровна. Интересно, подумал Сергей Георгиевич, сколько стволов скрывается за одеждой всех присутствующих. Знакомое чувство тревоги охватило его и стало сковывать поясницу. При этом он знал, что это никак не повлияет на его способность говорить, холодно и четко анализировать ситуацию и принимать быстрые решения.

Максим и незнакомый мужчина разговаривали, когда подошел Сергей Георгиевич. Несколько ребят решительно остановили Сергея Георгиевича, преградив ему дорогу к Максиму.

– Пропустите. Это Сергей Георгиевич – представитель университета, – сказал Максим, обращаясь к мужчине, с которым разговаривал.

Когда Сергей Георгиевич подошел к ним, Максим изложил ему суть конфликта. Тамара, компаньон Максима по ресторану, который располагался на арендованной у университета площади, имела на стороне и другой бизнес. По каким-то причинам она задолжала бандитам и предложила в качестве компенсации передать им в собственность

ресторан. Сергей Георгиевич сделал удивленное выражение лица, дождался паузы и дал пояснение:

– Не знаю, что она предлагает, но помещение является, как все другие помещения университета, федеральной собственностью. Передавать или что-то с ним делать невозможно. Вот копия договора аренды помещения под ресторан и выписка из реестра федеральной собственности, находящей в оперативном управлении у университета, где указано здание, в котором находится ресторан.

Сергей Георгиевич показал копии, заверенные нотариусом. Сергей Георгиевич имел копии многих документов, заверенные нотариусом, что позволяло оперативно пользоваться ими, а опыт показывал, что нотариально заверенные документы производили впечатление на бандитов, которые в то время слабо разбирались в документации.

Максим продолжил разговор с незнакомцем:

– Мебель и все оборудование предоставила моя фирма. Тамара имела только долю в прибыли от деятельности ресторана, которым она управляла.

– Вот сука, – зло произнес незнакомец, который не представился Сергею Георгиевичу, считая это лишним.

– К тому же ресторан придется закрывать в ближайшее время, – решил использовать ситуацию Сергей Георгиевич. – Пришло письмо из министерства, запрещающее сдавать помещения под рестораны и кафе. Поэтому продления данного договора аренды не будет.

Разговор терял актуальность, воспользовавшись моментом, Сергей Георгиевич извинился, не стал ожидать его окончания и оставил договаривающихся в окружении своих бойцов. То ли ветер усилился, то ли ситуация подействовала, но Сергей Георгиевич почувствовал, что продлог. Он поднял воротник пальто и медленно направился к себе в кабинет.

Было около четырех часов дня, когда позвонил Максим.

– Сергей Георгиевич, жду Вас в ресторане, отметим сегодняшнее мероприятие. Вячеслав Иванович и Александр Борисович уже у меня.

Идти не хотелось, но отказ мог быть расценен неправильно, поэтому, закрыв кабинет, Сергей Георгиевич медленно отправился в ресторан.

Вячеслав Иванович наслаждался вниманием, которое оказывали ему официантки и администратор. Он любил, когда ему уделяли повышенное внимание, подчеркивая его статус. Александр Борисович же всем своим видом показывал, что он хозяин – договор аренды подписывал он. Это еще можно было терпеть, но его блатная речь, которая никак не увязывалась со статусом проректора и профессора, раздражала. Сергей Георгиевич немного посидел за столиком, очень коротко изложил суть встречи.

– Я так и знал, что все это пузырь, ерунда. Нечего было тратить время, – заключил Александр Борисович. – А Тамару надо было понять, жаль что ушла.

Сергей Георгиевич и Максим переглянулись. Настроения не было до встречи, разговор не располагал к приятному времяпрепровождению, поэтому, сославшись на предстоящую встречу, Сергей Георгиевич быстро ушел. Максим вышел его провожать.

– Я этому козлу когда-нибудь голову сверну, – зло произнес он.

– Кому?

– Александру Борисовичу, кому еще? Хозяин вишневый, – Максим все больше заводился.

– Кончай, ты лучше скажи, когда успел переписать имущество, – спросил Сергей Георгиевич.

– От Вас не скроешь, – с улыбкой сказал Максим. – Было дело. Тамара задолжала.

– Небось поспособствовали этому?

Максим продолжал улыбаться, но не ответил, а обратился с просьбой:

– Сергей Георгиевич, поговорите с Александром Борисовичем, пусть не строит из себя бластного, нарвется на неприятности. В этом я не сомневаюсь.

– Да, любит он из себя крутого строить. Ладно, поговорю, – согласился Сергей Георгиевич.

Он не знал, что через пару лет слова Максима воплотятся в реальные действия, а ему придется спасать Александра Борисовича.

* * *

К веранде подлетела синица. Она с любопытством заглянула внутрь, убедившись, что ей ничего не угрожает, перескочила на кирпичную кладку проема окна, что-то клюнула и быстро улетела.

– Проблема зимы – поиск песка, – со знанием дела заметил Сергей Георгиевич.

– Действительно проблема, когда все покрыто снегом, найти песок, – согласился Олег Борисович, но поинтересовался: – Для чего он нужен?

– Для пищеварения, чтобы в желудке семена протирались. Зимой голубям в голубятнях специально подсыпают песок.

Олег Борисович не стал продолжать эту тему, чувствовалось, что его беспокоит вовсе не проблема птиц, а что-то другое. Сергей Георгиевич не стал ускорять события, предоставив Олегу Борисовичу возможность самому решить, что и когда сказать.

* * *

К окну подлетела синица. Она с любопытством заглянула внутрь, убедившись, что ей ничего не угрожает, перескочила на кирпичную кладку проема окна, стала что-то клевать. Олег сидел за кухонным столом и лениво доедал бутерброд. Мать несколько раз его поторапливала и спрашивала:

– Не опаздываешь в институт?

– Нет, сегодня семинары, занятия начинаются позже.

Это была ложь. Занятия начались как всегда, только планы на этот день у Олега были иные. Вечером позвонила Катя, знакомая Олега и его тайная любовь. Она предложила встретиться и намекнула, что родители уезжают на дачу. В голове Олега рой мыслей не давал уснуть, самые дерзкие надежды приобретали реальные очертания. Помучавшись всю ночь, он встал рано, принял душ, побрился и взялся за бутерброды, которые не лезли в горло, но помогали убить время.

При свете дня озорные мысли ушли куда-то, но щемящее ощущение предстоящей встречи сковывало движения. Мать чувствовала что-то странное в состоянии сына и пыталась вопросами его растормошить.

– У тебя все в порядке? Нет проблем? Случайно, не болен?

– Да нет, все в порядке. Семинар ответственный. Может быть, новую сорочку надеть? – неожиданно спросил Олег.

– Надень, что ее беречь. Давай я поглажу.

– Давай, – согласился Олег.

Время тянулось бесконечно. Может быть, подумал Олег, надо было пойти в институт – время пролетело бы быстрее. Но поменять ничего нельзя, придется еще полчаса просидеть на кухне.

Синица продолжала прыгать от одного кирпича к другому, периодически посматривая на Олега. Она продолжала склевывать частички старого раствора. Неожиданно под-

летела ворона, и синица быстро улетела. Небольшая интрига, которая хоть как-то скрашивала время, закончилась. Инициатива принадлежала синице – она прилетела, она была занята делом, и она же поглядывала на Олега.

Он резко встал, направился в комнату. На стуле висела новая сорочка, от которой пахло свежестью. Мать доглаживала платок.

– Поменяй платок, – предложила она.

Когда Олег оделся и был готов покинуть квартиру, он, стоя у дверей, решил предупредить мать:

– Сегодня у сокурсника день рождения, надо будет поехать за город. Если семинар закончится поздно, может быть, придется остаться у него, я тебе позвоню.

Поверила ли мать этой наскоро придуманной лжи, он не знал. Она же сделала вид, что все нормально.

– Задержись, – попросила мать и направилась в комнату. Через минуту она вернулась и вручила деньги. – Возьми, могут пригодиться.

В сквере у станции метро «Чистые пруды» Олег ждал Катю. Она появилась неожиданно. Как Олег ни вертел головой и напряженно ни вглядывался в лица прохожих, он ее упустил. Словно ветер, она схватила его за руку и обрушила поток информации:

– Не увидел меня? Шпион из тебя получится хреновый.

– Не списывай, я еще потренируюсь, – проворчал Олег.

– Ладно, не злись. Сразу к делу. Родители уехали. Квартира свободна. Не будем тянуть время. Бежим ко мне. Сегодня ты остаешься у меня.

Олег испытывал некоторое неудобство – она все решала за него, но делала это так напористо, честно и открыто, что обезоруживала его, не травмировала его самолюбия. Он обнял ее, прижал к себе и представил свою первую совместную с ней ночь.

* * *

Опять Катя, опять воспоминания, подумал Олег Борисович. Опять присутствие Сергея Георгиевича вызвало воспоминания, как в прошлый раз. Какое-то наваждение. Как крепко память о ней сидит в его подсознании. А жизнь идет, берет свое. Надо было сосредоточиться, вернуться к реальности сегодняшнего дня. После небольшой паузы Олег Борисович неожиданно признался:

– Я последовал Вашему совету, нашел момент в начале этого года и поговорил с ней, Машей. Вернее... говорил я, а она слушала. Но выводы сделала, не стала вредничать и перестала мешать моим встречам с ее матерью. Скоро, месяца через три-четыре, мы стали жить вместе. Вроде получается.

Олег Борисович улыбнулся, тепло посмотрел на Сергея Георгиевича. Потом продолжил:

– В этом есть и Ваша заслуга. Давно хотел Вас поблагодарить, все собирался позвонить...

– Какая заслуга? – скромно возразил Сергей Георгиевич. – Можно полюбопытствовать, где и как состоялся разговор?

Олег Борисович улыбнулся, словно воспоминания доставили удовольствие. Он выдержал паузу, потом стал медленно рассказывать:

– Мы были на спектакле в МХТ имени Чехова, напротив вашего дома. В антракте Ольга Петровна, моя... гражданская жена, под каким-то предлогом, сейчас я не помню, оставила нас одних. Тогда я и сказал Маше, как Вы советовали, что признаю, что она взрослая, может иметь свой взгляд на проблемы, которые нас окружают, и я готов это учитывать в делах, наших отношениях. Но она не имеет права, будучи взрослым человеком, лишать свою мать

будущего, особенно если она беспокоится за ее будущее. Мы оба заинтересованы в том, чтобы обеспечить ей это будущее. Мы – единственные близкие ей люди и несем ответственность за ее дальнейшую жизнь.

Опять последовала пауза, после которой Олег Борисович признался:

– Никогда не думал, что короткий разговор с ребенком может быть таким тяжелым.

Сергей Георгиевич согласительно кивнул и вспомнил свой тяжелый разговор.

* * *

Его возвращения они ждали. Наташа и Мария Григорьевна, теща Сергея Георгиевича, сидели на кухне. Чай уже остыл, разговор каждый раз обрывался, время тянулось бесконечно.

– Может быть, папа что-нибудь сумеет изменить? – в который раз задавала вопрос Мария Григорьевна, но каждый раз на него не было ответа.

Наташа пожала плечами. Она не столько боялась предстоящего разговора, сколько ей было стыдно. Она понимала, что подвела семью. Разные дурные мысли лезли в голову.

Когда раздался звонок, бабушка пошла открывать дверь, а Наташа вся напряглась в ожидании.

– Наташа дома? – спросил Сергей Георгиевич.

– Она на кухне.

Она сидела на угловом диване, боясь предстоящего неприятного разговора. Наташа любила отца, который был у нее авторитетом, и ей было очень важно, как он оценивает ее успехи в учебе. Наташе было обидно, что на пустом месте создала проблему, которую предстояло решить отцу, боялась его реакции, которая могла осложнить их отношения.

Сергей Георгиевич был спокойным по натуре человеком, однако мог и круто вспылить, но отходил быстро. Он, подходя к дому, уже в достаточной степени накрутил себя и готов был высказать дочке много нелюбимых слов. С таким настроением он и вошел в кухню.

Наташа сидела вся съежившись, казалось, что она вдавилась в диван, от чего сделалась совсем маленькой и беззащитной. Сергей Георгиевич видел ее глаза, которые молили о пощаде и ждали какого-то чуда. В них было все: и надежда, и боль, и сожаление.

Неожиданно для Наташи и себя он сел рядом с ней и обнял.

– Мария Григорьевна, может быть, чаю попьем? – предложил Сергей Георгиевич.

За столом сидели молча. По тому, что Сергей Георгиевич ничего не рассказывал, было ясно, что дела у Наташи обстоят хуже некуда.

– Я виделся с деканом. Тебя отчислили из академии, сейчас ничего сделать невозможно, – Сергей Георгиевич коротко изложил положение дел.

– Может быть, есть еще какие-то шансы, – предположила Мария Григорьевна.

– Нет, Мария Григорьевна, надо было раньше мне сказать. Вышел приказ, вышел не вчера. Теперь только один путь – надо устроиться на работу, отработать несколько лет, только после этого можно будет восстановиться. Таков закон.

Лишь однажды за весь вечер Сергей Георгиевич не выдержал и упрекнул Наташу:

– Не понимаю, блестяще поступить в финансовую академию, самостоятельно и без репетиторов, и так бездарно из нее вылететь.

* * *

– Сергей Георгиевич, должен объяснить, почему я напросился на встречу с Вами, – начал разговор Олег Борисович. – Я читаю некоторый прогноз предстоящих событий в

нашем обществе. Обратил внимание на то, что многие вопросы Вы рассматривали в своей книге «Мифы и реальность нового порядка». Хочу кое-что использовать, если не возражаете. Решил переговорить с автором. Учитывая, что времени, как всегда, не хватает, попросил Вас приехать. Извините, что не я сам приехал к Вам.

– Нет проблем. Рад встрече, надеюсь, беседа доставит удовольствие, – искренне сказал Сергей Георгиевич. – Мне льстит, что мнение профессионалов Вы проверяете на дилетанте.

– Не прибедняйтесь. Не обязательно быть художником, чтобы разбираться в живописи.

Олег Борисович удовлетворенно улыбнулся, глубоко вдохнул и медленно-медленно выдохнул, расслабился, отпил глоток коньяка.

– Сергей Георгиевич, в конце прошлого года Вы говорили о своих планах, но книгу «Мифы и реальность нового порядка» не собирались писать. Что-нибудь произошло такое, что привело Вас к необходимости ее написания?

– И да, и нет. Однозначной или большой причины не было. Так, мелочи, но они выстраивались в определенную последовательность событий. А эта последовательность и подвигнула меня на написание книги.

Сергей Георгиевич допил кофе, потом резко повернулся к Олегу Борисовичу, пронизательно посмотрел на него. В его взгляде, выражении лица была некая незащищенность творческого человека.

– Вы, я надеюсь, понимаете, что я пишу не для всемирной славы. Это мне чуждо. Я пишу для одного читателя. Просто хочется, чтобы мой внук, когда станет взрослым, прочитав эту книгу, сделал бы выводы, оценил, что его дед был живым человеком, который думал, анализировал и пытался понять жизнь общества. Вот и все.

– Вы так любите его?

Сергей Георгиевич ничего не ответил. Легкая улыбка, которая промелькнула на лице, обо всем сказала.

– Дело не в любви, я умею быть и строгим. Надеюсь, что он будет думающим человеком, для которого будет важно не только знать свои корни, но и представлять предков через их мысли и восприятия окружающего мира. Очень надеюсь, что он избежит всеобщего оболванивания.

– С таким подходом дела, я думаю, ему это не угрожает.

– Хотелось бы в это верить. Но маховик всемирного оболванивания населения запущен. Избежать его давления слишком трудно. Много высококлассных специалистов – от сотрудников Голливуда и гламурных журналов до деятелей отечественного образования и шоу-бизнеса – вовлечены в это дело. Я уже не говорю о желтой прессе во всех странах. Оболванивание – элемент управления мировой элиты – применяется повсеместно.

– Соглашусь с Вами. Оболванивание населения входит в планы мировой элиты. Формируются примитивные исполнители – рабочие, инженеры и даже ученые, которым нужны только развлечения и относительно сытая жизнь. Без лишнего мыслительного аппарата, точнее без политики в голове и жизни! Таким населением легко управлять.

– У Евгения Евтушенко есть замечательное высказывание: «Лишь тот, кто мыслит – тот народ! Все остальное – население», – заметил Сергей Георгиевич.

Олег Борисович кивнул в знак согласия. Разговор неожиданно прервался. Опасение за будущее, страх жить среди населения, а не среди народа, не способствовали разговору.

* * *

– Вы куда? – задала вопрос женщина в форме офицера полиции.

Сергей Георгиевич, который только что вышел из станции метро «Площадь Революции», удивленный вопросом, стал внимательно рассматривать прилегающую площадь.

Торговые ряды, установленные между станцией метро и гостиницей «Москва», были огорожены металлическими конструкциями. Коридор, созданный двумя рядами ограждений, позволял пройти в сторону подземного комплекса «Охотный ряд». На Манежной площади в треугольнике, расположенном между памятником Жукову, комплексом и входным фасадом гостиницы, находилась сцена. На фоне надписи «Слава России» располагались портреты Владимира Путина и Дмитрия Медведева. Громко играла музыка, динамики сотрясали всю площадь и, очевидно, всю Тверскую улицу.

– Домой, – спокойно ответил Сергей Георгиевич.

– Возвращайтесь обратно, здесь не пройдете.

– А если по этому коридору и у гостиницы воспользоваться подземным переходом? – спросил Сергей Георгиевич.

Спросил он тихо, с улыбкой на лице. Возможно, улыбка и седые волосы позволили полицейскому определить, что он не является террористом, и она предложила:

– Вообще-то этот проход для участников митинга, переход на ту сторону у гостиницы «Метрополь». Так и быть, попробуйте, может, и удастся пройти.

Сергей Георгиевич поблагодарил ее и пошел по проходу, на выходе которого его встретили несколько решительных женщин среднего возраста, вооруженные пачками листов со списками.

– Вы из какого института? – сразу две женщины обратились к нему с вопросом.

– Я местный.

Они не стали уточнять суть термина «местный», потеряли к нему всякий интерес и стали искать в списках фамилию студента, который шел за Сергеем Георгиевичем. Проходя около гостиницы, Сергей Георгиевич увидел небольшую группу людей, по манере поведения, надменности во взгляде он определил, что они были ответственными за проведение митинга. Очевидно, это были функционеры «Единой России» и профсоюзов. На площади было много флагов молодежных организаций «Россия молодая», «Наши» и «Молодая гвардия», местами были видны флаги «Единой России» и «Конгресса русских общин».

Митинг только начался, вел его Андрей Исаев, заместитель секретаря генерального совета «Единой России». Он поздравил присутствующих праздником Конституции:

– Сегодня Конституции исполняется восемнадцать лет! Это хороший возраст! Партия «Единая Россия» – залог того, что страна будет развиваться стабильно и надежно.

Что еще должен и может сказать высокопоставленный партийный функционер, подумал Сергей Георгиевич. Не скажет ведь, что потенциал «Единой России» вызывает тревогу, и Путин не случайно дистанцируется от нее, передав бразды правления Медведеву, а сам опирается на вновь созданный Общероссийский народный фронт.

Раздумывавшийся на свежем воздухе Исаев завершил свое выступление обращением:

– На площади собрались те, кто поддерживает кандидатуру Владимира Владимировича Путина, и они все уверены в том, что Путин должен стать следующим президентом России и шесть лет вести нашу страну по пути процветания.

В ответ раздались нестройные возгласы одобрения. Выступление главы Федерации независимых профсоюзов было эмоциональным, но плохо запоминающимся. Сергея Георгиевича весьма удивил его тезис, что против Путина выступают олигархи, владеющие СМИ. Интересно, подумал Сергей Георгиевич, каких олигархов он имел в виду? Такую глупость можно говорить только молодым, которые не интересуются ничем, кроме развлечений. Пассаж Шмакова о Горбачеве, который хочет развалить еще одну страну, Сергей Георгиевич воспринял спокойно – сам он относился к Горбачеву крайне негативно. Но пожелание, чтобы он захлебнулся кока-колой, было недостойным.

Стоящие рядом студенты мерзли, лениво похлопывали, когда им это подсказывали стоящие рядом руководители. Две девушки разглядывали здание гостиницы и здания, расположенные на Тверской улице. Неожиданно одна из них обратилась к Сергею Георгиевичу:

– Не подскажите, сколько минут надо, чтобы дойти до Арбата?

– Минут десять-пятнадцать.

– Жаль, не успеем.

– Что же мешает пройти туда? – поинтересовался Сергей Георгиевич.

– Митинг запланирован, как нам сказали, на полчаса. Не успеем вернуться, а так хотелось пройти по Арбату, – с грустью в голосе сказала девушка.

– А вы приезжие?

– Да, из Ярославля. Нас на четырех автобусах привезли на митинг, и сразу же отправимся обратно.

Митинг продолжался. Холод сковывал не только тела, но и мысли выступавших. От Общероссийского народного фронта выступил Вячеслав Лысаков – глава движения автомобилистов «Свобода выбора», который, подражая Путину, отметил у противников Путина «белую ленту в виде ленточки».

Митингующие никак не отреагировали на его выступление, а Сергею Георгиевичу стало скучно, и он направился домой, не желая слушать пустые призывы и лозунги, в которых не было уважения к интеллекту присутствующих. Выступления ораторов стали заменять музыкальными номерами, чтобы подбодрить студентов, но они отвечали лениво, предпочитая подтанцовывать на холодном воздухе. Ветер развеивал знамена, угрожающе трещали растяжки.

Сергей Георгиевич со многими студентами, которые тоже решили покинуть митинг, подошел к подземному переходу. Вход был перекрыт металлическими ограждениями и рядом омоновцев, которые равнодушно наблюдали за митингом. Один из омоновцев грубо предупредил Сергея Георгиевича:

– Проход закрыт.

Всем своим грозным видом он показывал раздражение и нежелание общаться. Сергей Георгиевич не стал ничего говорить, решил обойти здание гостиницы. Со стороны Театральной площади стояла колонна омонских грузовиков и несколько машин скорой. Водители грузовиков собрались вместе и о чем-то спорили. Когда Сергей Георгиевич проходил мимо них, один из водителей обратился к нему:

– Не угостите сигаретой?

– Не курю.

– Жаль, – с сожалением сказал водитель. – Ни сигарет, ни денег.

Сергей Георгиевич посмотрел на него. Худой, небольшого роста, он резко контрастировал с мощными и накаченными омоновцами. Сделав несколько шагов, Сергей Георгиевич остановился и подозвал обратившего к нему водителя. Передав ему сто рублей, Сергей Георгиевич направился к переходу. Через несколько секунд его догнали два водителя.

– Где здесь можно купить сигареты? – спросили они.

– В переходе, – сказал Сергей Георгиевич и указал направление.

Ребята дружно побежали. Когда Сергей Георгиевич входил в переход, они уже возвращались с сигаретами.

– Спасибо еще раз, – поблагодарили они, торопливо вытаскивая сигареты из пачки.

– Удачного дня и спокойной службы.

– Спасибо, – весело ответили ребята и довольные направились к коллегам, которые ждали сигареты.

Окольный путь до дома сопровождался громкими звуками музыки, которые были слышны на всех прилегающих переулках. Периодически из динамиков раздавались лозунги

ведущего, которые вяло поддерживали митингующие, с каждым разом их поддержка ослабевала.

Во время обеда Сергей Георгиевич и Татьяна Александровна смотрели по ТВ выпуск новостей. Шел репортаж с митинга на Манежной площади. Диктор сообщил: «По данным МВД в митинге приняло участие двадцать пять тысяч человек, организаторы предполагали, что в митинге примет участие двадцать тысяч человек».

Сергей Георгиевич удивленно посмотрел на жену и прокомментировал:

– Интересно, как они считали. Я там был, на этом пятачке от силы пять тысяч можно собрать. Но было достаточно свободно, возможно, и было тысячи три-четыре.

– А ты не знаешь, как у нас умеют считать? – спросила Татьяна Александровна.

– Напекаешь на выборы?

– На выборы намекать не надо, там считали по-стахановски. Один голос за двоих.

После небольшой паузы Сергей Георгиевич заключил:

– Этот митинг организован в противовес митингу на Болотной площади. Кстати, там тоже МВД называло двадцать пять тысяч митингующих.

– Какое-то у МВД универсальное число, считай, как хочешь, а получается всегда двадцать пять тысяч, – заметила Татьяна Александровна.

– Да, чиновники оказались на высоте – митинг организовали отвратительно, денег потратили столько, сколько надо. По телевизору показали картинку, агитацию провели и народу указали, кто враг и за кого надо голосовать. А власть испугалась, – неожиданно заключил Сергей Георгиевич.

Власть испугалась. Испугались функционеры и чиновники. Тому свидетельство сегодняшний митинг, размышлял Сергей Георгиевич. Многие не пришли, выжидают.

* * *

Ситуация неожиданно разрядилась. Вошла Маша и принесла поднос с кофейником, с вазой пирожных и тарелкой фруктового ассорти.

– Маша, ты угодила, – обрадовал ее Сергей Георгиевич. – Я только собирался попросить еще чашку кофе, а ты уже это сделала. Хорошо бы, чтобы все мои желания так исполнялись.

Маша была смущена, легкий румянец появился на ее щеках. Она чуть-чуть постояла, потом предложила:

– Я не буду мешать, если что надо, с удовольствием принесу.

– Воспользуюсь твоим предложением, можно еще стакан холодной воды?

– Запивать кофе? Хотите, принесу минеральную воду?

– Ты меня совсем балуешь. Тогда только без газа.

Когда Маша вышла, Олег Борисович не удержался и заметил:

– Как легко Вы устанавливаете контакт.

* * *

Экзамен подходил к концу. Осталось опросить двоих: студента, который высиживал до последнего, ожидая чуда, и студентку, в зачетной книжке которой стояли одни пятерки. Для отличницы было странно, что она до сих пор не вышла отвечать. Это и заинтериговало Сергея Георгиевича, который решил быстро разобраться со студентом. Студент предъявил билет, на стол он положил подробный многостраничный конспект ответа на билет. Написать ответы на вопросы билета не составляло труда – Сергей Георгие-

вич разрешал пользоваться любой литературой по курсу во время экзамена. Кажущаяся простота сдачи экзамена вводила в заблуждение многих, они не понимали, что несколько вопросов позволяли быстро определить насколько глубоко знаком с предметом сдающий. Дальше было дело техники, опыта и знаний предмета и психологии. Минут через пять студент покинул аудиторию с предложением повторить попытку через неделю.

Студентка направилась к столу, за которым Сергей Георгиевич принимал экзамен. Держа в руках ее зачетную книжку, Сергей Георгиевич вспомнил, откуда он знаком с ее фамилией. Накануне ему дали список кандидатов на его стипендию. Пять студентов и два аспиранта получали стипендию имени ректора. Она была в этом списке. С каждой зарплаты ежемесячно Сергей Георгиевич вносил в кассу соответствующую сумму. Возможно, подумал он, что ее волнение результат желания ответить как можно лучше.

Она села напротив, худые пальцы нервно подергивались, от этого билет все время колебался, словно ветер пытался его унести. Ее худоба была какой-то болезненной, свойственной людям, которые недоедают. Очень скромная одежда подтверждала это предположение ректора.

Отвечать она начала плохо – волновалась, местами заикалась. От этого она стала нервничать и еще хуже отвечать. Может быть, для нее две тысячи рублей дополнительной стипендии очень важны, и она, как бывает у спортсменов, перегорела и переволновалась, подумал Сергей Георгиевич. Он решил приостановить экзамен, дать ей время успокоиться, собраться.

– Ты, случайно, не в Истре живешь? Мне показалось, что я тебя там видел, – неожиданно спросил Сергей Георгиевич.

Она растерянно посмотрела на него, смутилась, а потом тихо ответила:

– Нет, я живу в Красногорске.

– Знаю Красногорск, проезжаю через город, когда направляюсь на дачу рядом с Истрой. Ты в каком месте живешь?

– Где пожарная часть, знаете? Это на той дороге, по которой Вы едете в Истру.

– Знаю, она стоит чуть в глубине, – уточнил Сергей Георгиевич.

– Точно. Я живу немного дальше на этой же стороне.

Там были одноэтажные старые деревянные дома, а жили в них люди ограниченного достатка. В разговоре выяснилось, что семья студентки оказалась неполной – отец оставил семью, когда она училась в пятом классе, а младшая сестра – в третьем. Несколько лет отец помогал, а потом перестал. Мать одна поднимала девочек, работая в нескольких местах.

Сергей Георгиевич все искал тему, которая помогла бы девушке раскрыться. Такая тема оказалась профессиональной.

– А ты занимаешься в научном студенческом обществе? – спросил ректор.

Неожиданно девушка преобразилась. Стала увлеченно рассказывать об исследованиях, в которых она участвовала, о предстоящей научной работе на кафедре. Ее словно прорвало, она четко и аргументировано излагала суть. После этого экзамен был блестяще сдан.

Воодушевленная и счастливая, она выпорхнула из аудитории. Сергей Георгиевич с улыбкой наблюдал за удаляющей студенткой, которая все продолжала рассматривать свою пятерку в зачетной книжке.

* * *

– Все хочу спросить, как дела у Владимира Михайловича? Случайно, он не придет? – спросил Сергей Георгиевич.

– Он очень хотел присутствовать. Должен сказать, что мы собирались иначе встретиться с Вами, но последние события неожиданно подкинули много срочной работы, пришлось изменить планы. Поэтому и я пригласил Вас.

– Это как-то связано с изменениями в тандеме? – прямо спросил Сергей Георгиевич.

– Можно и так сказать. Сейчас у Владимира Михайловича много аналитической работы, он занимается вопросами США.

– Представляю, – подтвердил Сергей Георгиевич. – Возможность возвращения Путина на должность президента встречена политической элитой США в штыки. Уже сейчас назревает конфронтация на фоне переосмысления перезагрузки. Думаю, что отсюда большой объем работы у Владимира Михайловича?

Олег Борисович призадумался, словно взвешивал, стоит или нет продолжать эту тему. Потом, определившись, ответил прямо:

– Не буду лукавить, тем более Вы чувствуете нюансы. Действительно, многое в отношениях с США предстоит уточнить. Для начала, раз вспомнили Владимира Михайловича, поговорим о США, – предложил Олег Борисович. – Перезагрузка, как мы говорили в прошлом году, была полезна обеим сторонам – взяли тайм-аут. Теперь, до выборов, обе стороны будут нагнетать напряженность, понимая, что основным слушателем политической риторики является собственное население, и слова более всего предназначены для внутреннего использования.

– Согласен, – подтвердил Сергей Георгиевич. – Главное – не переборщить, когда слова потребуют каких-то действий.

– А действия – потребуют словесного прикрытия.

* * *

– Папа, идешь кушать? Мама второй раз подогреть не будет, – предупредила Наташа.

– Сейчас, дочитаю страницу и спущусь.

Через минуту Сергея Георгиевича с раздражением позвала Татьяна Александровна:

– Сергей, сколько можно ждать, все остыло.

Сергей Георгиевич быстро спустился со второго этажа в кухню, находившуюся на первом этаже. В руках была книга, с ней он сел за стол.

– С каких это пор ты обедаешь с книгой в руках? – удивленно спросила Татьяна Александровна.

– Не могу оторваться, очень интересная. Ладно, осталось немного, главное уже прочитал, – сказал Сергей Георгиевич, откладывая книгу.

– Что за книга? – поинтересовалась Наташа.

– «Чем болен президент», написал ее Игорь Гундаров, доктор медицинских наук.

– О каком президенте идет речь?

– О бывшем президенте Украины Ющенко.

– Поэтому у него такое лицо? – спросила дочь.

– Хватит разговоров, обед совсем остыл, – напомнила Татьяна Александровна.

Тема заинтересовала Наташу, поэтому, быстро поев, она стала расспрашивать отца о содержании книги. Не меньший интерес проявила и Татьяна Александровна, но пыталась его не показывать. За чаем обсуждение было в разгаре.

– Оказывается, Ющенко болел лепрой с 90-х годов, но в скрытой форме, об этом есть какие-то записи в его медицинской карте.

– А что за болезнь лепра? – спросила Наташа.

– Сам узнал из книги. Мы с мамой ее знаем под другим названием – проказа. Так ее называли в годы нашей молодости.

– Сергей, помнишь, был роман про больных проказой. Название так сразу не вспомню, но сюжет помню, читали с огромным удивлением – был мир особых людей, полностью закрытый от нас, – заметила Татьяна Александровна.

– Еще был зарубежный фильм, один, на эту тему, – поддержал Сергей Георгиевич. – Помню, черно-белый, тяжелый для восприятия. Об этой болезни в советском обществе не принято было говорить. Хотя люди болели.

– Родители, не отвлекайтесь от генеральной линии, – попросила Наташа.

– Ты еще скажи «от линии партии», – пошутил Сергей Георгиевич.

– Папа, продолжай, пожалуйста, не цепляйся к словам.

– Ладно. Поехали дальше. Американцы готовили Ющенко давно. Им нужен был надежный человек, который вбил бы клин между Россией и Украиной. А Ющенко это сделал бы с удовольствием. Предстояли выборы президента Украины в 2004 году, все шло по сценарию «оранжевой революции». Но неожиданно на сцену вышла болезнь.

– Под сценой надо полагать лицо?

– Наташа, давай не отвлекаться, сама просила. Про сцену я сказал образно. Очевидно, сказались напряжение и стресс. И американцы оказались на грани фиаско.

– Еще бы. Какой народ будет избирать президентом человека, который болен проказой? – заметила Татьяна Александровна. – Это, кажется, инфекционная болезнь.

– В том-то и дело! Ющенко срочно отправляют в Вену в клинику «Рудолфинерхаус», где он иногда консультировался. Туда же прибыли шесть американских специалистов разного профиля, возглавлял эту группу Саатхофф.

– Откуда это известно?

– Об этом писала газета *Washington Post*.

– А кто такой Саатхофф, агент? – спросила Наташа.

– Нет, он профессор медицины из Университета штата Вирджиния, но главное – он директор Аналитической группы по критическим обстоятельствам, которая помогает правительственным организациям США улаживать сложные ситуации. Позднее Саатхофф признал негласное участие правительства США, но весь процесс был под контролем Государственного департамента.

Сергей Георгиевич неожиданно перестал рассказывать и словно забыл, что интересовал присутствующих изложением сути книги, стал спокойно пить чай. Наташа и Татьяна Александровна терпеливо ждали. Первой не выдержала Татьяна Александровна:

– Ты можешь закончить рассказ, а потом спокойно допить чай?

Сергей Георгиевич лукаво улыбнулся и заметил:

– Что, заинтриговал? Вот почему я не торопился спуститься в кухню.

– Ладно, прощаю, только продолжай.

– Возникла критическая ситуация для «оранжевой революции», а американцам нужна была безусловная победа. Нужна была легенда прикрытия. В книге не указывается, когда американцы выяснили истинную причину болезни. Ясно, что они не признают это и сейчас – тогда их можно обвинить в биотерроризме. Человек, больной неизлечимой инфекционной болезнью, с их помощью становится президентом, встречается с высокопоставленными людьми разных стран, подвергая их возможности заразиться. Понятно, что американцы будут настаивать на своей версии, в медицине всегда может иметь место ошибка. А эту версию или легенду они удачно слепили. По внешним признакам нашли подходящую причину – отравление диоксинами, ее и запустили в СМИ. Больной претендент становится жертвой безжалостной России, и рейтинг страдающего героя стремительно растет. Надо ска-

зять, что в клинике «Рудолфинерхаус» признали, что диагноз и пути лечения установила американская группа.

– Папа, если было отравление, необходимо найти лицо, отравившее Ющенко, и источник яда, чтобы оправдать версию.

– Надо, но кто будет делать? Став президентом, Ющенко симулировал активность расследования и следственных действий. Не в его интересах выдать инициатора фальсификации – Государственный департамент США.

– Знаешь, меня вот что смущает. Ведь Ющенко в клинике лечили, а по принимаемым лекарствам можно косвенно определить болезнь, – предположила Татьяна Александровна.

– Конечно. Думаю, что Ющенко знает, что болеет лепрой. Он резко сошел с политической орбиты и свел до минимума контакты. Обрати внимание, его нет на общественных мероприятиях и митингах. Что касается лекарств, ты права. Здесь возможно, что американцы сами тайно от австрийских коллег приносили какие-то лекарства, проводили курс лечения, не оставляя следов – уносили ампулы, упаковки и ненужные лекарства, которые давали австрийские врачи.

* * *

– Если говорить о США, самое главное событие этого года – движение «Захвати Уолл-стрит».

– Я не стал бы акцентировать, – заявил Олег Борисович. – Оно не имеет существенного значения для деловой и политической жизни США. Собрались, потусовались и разошлись. Кто не разошелся или нарушил правила, тех полиция призвала к порядку. Все чисто по-американски: продемонстрировали миру демократию и силу полиции, свободу и силу уважили. Мирные граждане могут гордиться своей страной.

В словах Олега Борисовича звучали нотки иронии, говорил он с каким-то раздражением. Сергей Георгиевич не стал его расспрашивать, решив высказать свое мнение:

– Согласен. Внешне все так и выглядит. Это спонтанная реакция на финансовый кризис, поэтому движение оказалось без четких политических и финансовых требований.

– А требования изменить мировой финансовый порядок? – поинтересовался Олег Борисович. – Это не требование?

– Это лозунг. Вся суть движения заключалась в том, что граждане хотели дать политической власти сигнал, что общество знает причину кризиса. Власть услышала. Дальше делать было нечего. Поэтому и разошлись.

– Власть услышала, а что дальше?

– Дальше... – Сергей Георгиевич остановился и немного задумался, – дальше ничего. Это как у нас, когда граждане жалуются на высокопоставленного чиновника, им отвечают: «Спасибо за сигнал». И все остается без изменений. Граждане проявили сознательность, а власть – внимание, но все осталось без изменений. Возможно, до революции.

– Вот этого, особенно у нас, очень не хотелось бы.

– Не беспокойтесь, у нас будет тихо, – успокоил Сергей Георгиевич.

* * *

Телеканал *Euronews* показывал репортаж из Нью-Йорка, где движение «Захвати Уолл-стрит» расположило палаточный лагерь близ зданий фондовой биржи. Молодые безработные, ветераны различных войн, представители среднего класса и студенты мирно протестовали, активно давали интервью.

Потом последовали репортажи с различных уголков планеты – от Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Индонезии до Греции и Великобритании. Везде протестовали против социального неравенства, когда 1 процент населения владеет всеми богатствами, жадности финансистов и промышленников.

Диктор, сделав значительную паузу, сообщил: «Сторонники движения "Захвати Уолл-стрит" митингуют в девятистах пятидесяти городах восьмидесяти двух стран мира».

Почему российские СМИ, размышлял Сергей Георгиевич, так слабо освещают эти события? Такой удобный случай кинуть камень в огород американских СМИ, в негативном свете представить власти США. Можно было проехаться по ведущим информационным агентствам, которые упустили факт формирования движения и стали его освещать после того, как Интернет стал широко обсуждать.

Чем вызвана такая позиция наших СМИ? Каждый раз, задавая себе этот вопрос, Сергей Георгиевич приходил к одному и тому же объяснению: «Российская власть боится демонстраций, боится настолько, что готова пожертвовать редким удобным случаем – возможностью объективно попинать американскую действительность. И боязнь в том, что широкий показ демонстраций мог вызвать соответствующее движение отечественной молодежи – в России, пожалуй, пропасть между богатыми и бедными на порядок выше».

* * *

– С революцией, хотя и успокоили меня, Вы перебрали, – заметил Олег Борисович. – Но в определенной степени это был звонок. Я должен это признать. В конце двадцатого века в Сिएтле возникло движение против корпораций, жадности их руководителей. Но быстро все заглохло, выдохлось, а СМИ освещали это движение на уровне новостей второго сорта.

– Понятно, тогда священная корова – финансовый мир – не могла быть под сомнением. Сейчас ситуация изменилась. Интернет вывел мир на новый уровень общения и передачи информации. Если раньше агитация населения была прерогативой государства, дозирующей информацию через подконтрольные СМИ, то теперь ситуация меняется.

– Согласен, времена изменились. Думаю, власти США были удивлены, что начальная часть «арабской весны» у них повторилась 17 сентября.

– Тем более что есть экономическая подоплека, – заметил Сергей Георгиевич. – Дети живут хуже родителей, а это реальная угроза будущему. Это, по большому счету, курок будущих потрясений.

– Для США характерно резкое, я бы сказал, революционное изменение общественного сознания. Так было и с расовой дискриминацией. Веками жили с ней, а потом резко от нее отказались. Так было и с геями. Осуждали, осуждали, а потом стали поддерживать, вводить соответствующие законы. Все происходит в очень короткий срок.

– И стали демократами высшей пробы.

– Они всегда считали и считают себя такими. По поводу и без него, – заключил Олег Борисович. – Америка – это другой мир, другое восприятие.

* * *

Другой мир для маленького Сергея находился на крышке гардероба. Когда отец сажал его на плечи и с ним ходил по квартире, он умудрялся каждый раз подвести его к гардеробу. Цепляясь за край, Сергей подтягивался на руках и дотрагивался до главного – боль-

шого бумажного пакета, в котором аккуратно лежали грамоты, благодарности и боевые награды отца.

С его разрешения Сергей брал в руки пакет, при этом большой пакет мешал ему устойчиво сидеть, поэтому отец поддерживал одной рукой его спину, а другой держал за ногу. После они вдвоем садились за стол и рассматривали грамоты, которые отец получал за работу в мирное время, благодарности и награды, полученные в годы Второй мировой войны. Все заветные предметы принадлежали другому неизведанному миру, который пересекался с миром детства маленького Сергея посредством этих предметов.

Грамоты, на которых были изображены флаги и заводы, вызывали уважение. В мыслях Сергей представлял, что стена за его кроватью вся будет в грамотах, которыми его будут награждать. Он не совсем понимал за что, возможно за учебу, как говорила мама. Несколько грамот были большего формата, а бумага – блестящей. Сергей определил, что таких грамот у него будет семь. Почему семь, он не знал, но эта цифра ему нравилась.

Благодарности от командования, полученные во время войны, не очень впечатляли – напечатаны они были на плохой бумаге, блеклая краска, уступали грамотам в его понимании. А награды вызывали почтение, трогал их Сергей осторожно. В прикосновении чувствовалось уважение, очевидно, это передалось ему от отца. Особое уважение Сергей испытывал к медали «За отвагу», которую отец иногда разрешал повесить на его грудь. Это были мгновения гордости, безумной радости. Сергей носился по комнате, превращая стулья в зенитные пулеметы, стрелял по самолетам противника. Шум и ажиотаж скоро надоедал всем, поэтому приходилось его успокаивать, утверждая, что враг повержен и уничтожен. Довольный мальчик скрытно поглаживал медаль и сильно расстраивался, когда медаль приходилось возвращать.

Они сидели рядом. Отец укладывал все обратно в пакет, а маленький Сергей периодически поглядывал на него и был уверен, что отец его защитит. Неизвестно от кого, неизвестно от чего, но обязательно защитит. От этой уверенности ему было легко, тепло и светло.

* * *

– Вы обратили внимание, что, когда говорят Америка, предполагается США. В этом главное достижение власти США.

– У нас фантазии хватило только на упрощенный вариант. В советские времена говорили партия, подразумевали Ленина. В современной России и не говорим, и не подразумеваем, – заметил Сергей Георгиевич.

– Что так скептически? – поинтересовался Олег Борисович.

– Долго объяснять. Давайте продолжим разговор о США.

Олег Борисович ничего не ответил, только одобрительно кивнул. Опять выглянуло солнце, ярко осветив сугробы. Тени от больших сосен, стоящих вдоль дороги, легли на нее, превратив ее в пешеходную зебру, лишь черные полосы отдавали синевато-голубым оттенком. Чуть дальше от сосен стояли одиночные березы, на ближайшей из них сидела синица и периодически меняла позу – подставляя под солнечные лучи то одну сторону тела, то другую. Она внимательно следила за мужчинами, как только они подошли на расстояние, которое она посчитала неприемлемым для себя, синица вспорхнула и быстро исчезла.

– Согласен, – подтвердил Олег Борисович. – На первое место по значимости для будущего Вы поставили факт возникновения движения «Захвати Уолл-стрит». На второе место, я предполагаю, Вы поставите начало гонки за президентское кресло?

– Нет, безусловно, это важное событие, но я бы обратил внимание на убийство Усамы бен Ладена.

Олег Борисович удивился, но постарался не особо это показывать.

– Да, я помню, что в прошлом году мы говорили на эту тему. Если я не ошибаюсь, Вы утверждали, что по тому, как он будет убит, можно многое сказать о его связи со спецслужбами США, – вспомнил Олег Борисович.

– Точно, было такое дело. Придется держать ответ, – согласился Сергей Георгиевич. – Пропускаю нюансы и сразу отмечаю главное.

– Предполагаю, сам факт убийства?

– Нет. Одну фотографию из Белого дома – президент Обама, госсекретарь Клинтон, высокопоставленные сотрудники Пентагона и Госдепа смотрят прямой репортаж о ликвидации Усамы бен Ладена.

– А что в этом странного? – удивился или сделал соответствующий вид Олег Борисович.

– Странно то, что из глухомани Пакистана идет прямой судьбоносный для всего мира репортаж, а в Белом доме не нашлось ни одного профессионального оператора, который показал бы Обаму и его команду одновременно с изображением на телеэкране.

– Что из этого следует?

– А следует то, что они чего-то боялись.

– И какой вывод?

– Предполагаю, что что-то они фальсифицируют, – высказал свое сомнение Сергей Георгиевич.

– Не смерть же самого бен Ладена? Это уж чересчур, на такое никто не подпишется, особенно президент США в начале очередного старта гонки за кресло президента, – заметил Олег Борисович.

– Если коротко изложить мое мнение, то оно сведется к следующему. Первое. Никто не собирался арестовать и доставить в США бен Ладена. Операция задумывалась и осуществлялась как целенаправленное убийство. Живой он был не нужен – много знал, мог очень многое рассказать о связях и контактах с американскими спецслужбами. Мертвые имеют одно преимущество – они ничего не рассказывают.

– Мертвые имеют одно преимущество – они ничего не рассказывают, – повторил Олег Борисович и задумался.

* * *

– Они хотят меня убить. Я слышал их разговор. Один из начальников сказал, что я много знаю. Я случайно это услышал. Если я не совершу теракт, меня следует убрать. Мертвые ничего не рассказывают, так он сказал.

Молодой араб, которого Олег Борисович иногда привлекал в качестве грузчика для работы в своем магазине, был чрезвычайно испуган. Говорил он сбивчиво, и его трясло.

В последнее время в городе возникло много исламских группировок, которые конкурировали друг с другом, откровенно боролись за лидерство, понимая, что лидерство обеспечивает доступ к деньгам, оружию и уважение арабских спонсоров, приверженцев исламского фундаментализма. В борьбе за лидерство в особом почете были теракты, которые существенно повышали рейтинг той или иной группировки.

Сбивчиво рассказав суть дела, араб попросил хозяина магазина, кем и представлялся Олег Борисович, спрятать его в подсобном помещении, а потом собирался бежать в Европу. Олег Борисович понимал, что это не решение и не выход из положения.

Перед ним сидел испуганный и загнанный молодой человек. Мухаммед, так звали араба, напоминал зверя, зажатого в угол, понимающего весь ужас ситуации. Ошалевшие глаза, нервные движения рук, срывающийся голос – все свидетельствовало о том, что он был

доведен до состояния, в котором возможно свершение безумного поступка. Только что-то внутреннее, порядочное продолжало сопротивляться и искать выход из сложившейся ситуации.

Неизвестная группировка, которая его терроризировала, состояла из нескольких человек, которым случайно попали фотографии из Сети его сестры, проживающей в Германии. Фотографии, сделанные на пляже курортного городка, были несколько фривольного характера, но вполне приемлемые для европейца. Группировка поставила перед Мухаммедом требование: убить сестру или совершить теракт. Первые встречи с представителями группировки не вызывали опасений – обычные разговоры об ответственности перед религией и традициями. Потом началось психологическое давление, посыпались угрозы физической расправы, которые сменялись разговорами о рае, куда попадают защитники веры. Ни один день не проходил без встречи с членами группировки. Когда ему предложили уехать на несколько дней, Мухаммед понял, что обратной дороги не будет: или его убьют, или он должен совершить теракт.

– Что ты хочешь? – прямо спросил Олег Борисович.

– Бежать, мне все равно куда, но только бежать. Они не оставят меня в покое. В этом городе мне не жить.

– Понимаю тебя.

– Может быть, спрячете меня в магазине? Я тихо буду сидеть на складе? – вопрос Мухаммеда был похож на мольбу.

– Нет, этот вариант не пройдет, – сразу предупредил Олег Борисович. – Тебя они будут искать прежде всего здесь. Я предполагаю, что они знают, что ты иногда работал у меня. Когда тебе сказали, что ты уедешь с ними?

– Вчера, вечером.

– А когда собрались уезжать?

– Завтра.

Спрашивать дальше не имело смысла. Было очевидно, что парня собирались использовать в темную или направляли в центр подготовки смертников. Домой он не вернется в любом случае. И его внутренне ощущение опасности не подвело.

Олег Борисович немного нервничал. Он не сомневался, что за Мухаммедом следят – он не был членом радикальных группировок, не принимал участие в различных движениях, поэтому мог сбежать, а этого группировка не должна была допустить.

– Возьми коробку с вентилятором и сходи к Абделю, кондитеру, его лавка ниже по улице. Скажи, что очень хороший вентилятор, и я готов его дешево отдать, завтра получаю новую партию, нужно место.

– Я знаю его лавку, – голос Мухаммеда дрожал, как ни старался он скрыть свой страх.

– Иди, а я подумаю.

Надо было действительно подумать и понять, не провокация ли это против него, Олега Борисовича? Чем больше он прокручивал ситуацию, тем яснее становилось, что все было направлено против Мухаммеда – тихого и скромного парня, мечтающего о работе, доме и семье. Он не вписывался в среду радикальной и религиозной молодежи, которая его окружала. Они вынесли ему приговор. И это было очевидно!

Логика подсказывала, что не следует ему, Олегу Борисовичу, вмешиваться в эту ситуацию. Более того, его положение нелегала и задачи, которые он решал, не позволяли ему это делать. Но было еще и желание помочь этому простому, незащищенному от мафики парню. Что двигает людьми, когда они спонтанно бросаются в горящие дома, бурлящие реки? Чувство справедливости. Это чувство и подсказывало Олегу Борисовичу ход его действий.

Отправил Мухаммеда в лавку Абделя Олег Борисович не случайно. Если за ним следили, его приход в магазин было делом обычным – здесь он работал, а подозрение, что приходил за советом, отпадало само собой. Сделав два телефонных звонка, Олег Борисович стал ждать возвращения своего грузчика. Один звонок был в местную транспортную компанию заказа такси, а второй – знакомому, который выполнял небольшие поручения Олега Борисовича.

Вскоре Мухаммед появился с той же коробкой, с которой ушел в лавку. С порога он сообщил:

– Абдель очень обрадовался. Но сейчас у него нет денег. Если до конца недели потерпите, то он возьмет вентилятор сегодня.

Голос Мухаммеда не дрожал, он немного успокоился и, возможно, поверил, что ему помогут.

– Переставь местами напольные вентиляторы, большие сдвинь в угол, – дал задание Олег Борисович.

Мухаммед сразу же стал передвигать вентиляторы, не задавая себе вопроса, для чего это нужно. Прошли два молодых человека, которые на мгновение остановились у витрины и продолжили путь. Мухаммед продолжал с энтузиазмом передвигать вентиляторы, когда позвонили на мобильный телефон Олега Борисовича. Это был звонок из транспортной компании, они подтвердили, что такси уже на месте.

– Мухаммед, кончай работать. Бери коробку с вентилятором и срочно иди в лавку Абделя. Отдашь вентилятор, скажи, что я жду денег в конце недели. Сам выйдешь через второй вход, он у него есть.

– Да, я знаю.

– Выйдешь через этот вход, у перекрестка стоит такси. Назовешь свое имя, и тебя отвезут к моему знакомому, а он перевезет тебя дальше. Вот тебе немного денег, – Олег Борисович всучил деньги растерявшемуся Мухаммеду и аккуратноенько его выдворил.

Больше всего Олег Борисович не хотел слов благодарности, а может быть, не хотел видеть слезы надежды в глазах молодого человека. Олег Борисович посмотрел на часы. Оставалось еще полчаса до прихода двух продавцов, которые отлучились с разрешения Олега Борисовича. Мухаммеду определенно повезло – он пришел тогда, когда их не было.

Через час, когда Олег Борисович сидел за конторкой, в магазин зашли двое молодых людей и стали спрашивать про Мухаммеда. Продавцы направили их к Олегу Борисовичу, который подтвердил, что он немного поработал и ушел домой. Олег Борисович не сомневался, что в это время Мухаммед уже был далеко за пределами города, борцам за чистоту веры его не найти. Мухаммед получил возможность осуществить свою мечту, а неизвестные люди избавились от риска погибнуть в теракте.

* * *

– Второе. Не сумев как бы взять его живым, они очень быстро избавились от тела бен Ладена. Потрясающее развитие ситуации – американцы очень позаботились, чтобы лютый враг был похоронен до восхода солнца, как того требуют законы ислама, поэтому тело вертолетом доставили на авианосец и похоронили в море, скинув с корабля.

– Американцы утверждали, что они подготовили тело к захоронению в соответствии с мусульманскими традициями.

– С каких пор мусульман хоронят в море? – удивленно спросил Сергей Георгиевич. – Похоже, что они очень хотели спрятать тело таким образом, чтобы его никто и никогда не нашел. И прежде всего дотошные журналисты, а не фанатичные последователи. Море очень для этого подходит, особенно если корабль движется. Место неизвестно, дальше все сделает вода, рыбы и время.

– Согласен, что в этой истории много сомнительных моментов. Могу сказать, что меня удивило, что они направились на двух вертолетах Black Hawk непосредственно к дому. Создается такое впечатление, что они хотели заранее сообщить Усаме бен Ладену, что прилетели, и дать ему возможность взять оружие, чтобы иметь основание его убить на месте.

– Я далек от знания возможностей спецназа ВМС США «морских котиков», но, когда по телевизору показали дом, в котором он обитал, я был удивлен, что двухметровый забор с колючей проволокой по нему оказался непреодолимым препятствием для спецназовцев такого уровня. Они не могли тихо, с помощью штурмовых средств пробраться на территорию дома? – с удивлением спросил Сергей Георгиевич.

– В том-то и дело, что нужен был шум. Более того, они еще взорвали входную дверь пристройки.

– Меня удивило описание поведения «террориста номер один мира», а такую информацию давали сами американцы в СМИ, что бен Ладен вышел в коридор, а потом вернулся в комнату за автоматом. Вышел в коридор, чтобы спросить: это бомба взорвалась или кастрюля упала? И это террорист, который десять лет держал в напряжении весь мир? Хочется задать вопрос: а был ли мальчик? Еще один штрих. Все эти годы бен Ладена мир видел с автоматом в руке. Где этот автомат? Что могло быть лучшим доказательством его смерти? Почему американцы не предъявили его миру? Это могло быть сильным пиаровским ходом.

– Много нестыковок. Одни говорят, что он застрелился, другие – что его убили. Одни говорят, что образцы ДНК взяли на месте убийства, другие – на военно-морской базе. Из-за большого числа нестыковок министр обороны США Роберт Гейтс закрыл информацию об операции.

– Создается впечатление, что в ходе операции что-то пошло не так, и они стали импровизировать. А в целом, – заключил Сергей Георгиевич, – создается впечатление, что спецслужбы США дурачили всех, выжимая из бюджета колоссальные деньги. А объект оказался дряхлым и слабым, и эксплуатировать его воинствующий образ было уже невозможно, поэтому его надо было срочно убрать, чтобы скрыть всю затею с неуловимым и всемогущим «террористом номер один». Заодно и закрыть дело о теракте 11 сентября 2001 года, похоронив ряд неудобных вопросов. Очень удачно, в юбилейный год.

– Возможно, Вы и правы, – согласился Олег Борисович. – Дальше разыгрывать эту карту было опасно – несостоятельность бен Ладена была очевидна. А его смерть в результате дерзкой операции на территории Пакистана, без уведомления правительства, оказалась весьма к месту, учитывая предстоящие выборы.

– Генералам – ордена, президенту Обаме – второй срок президентства. Правда, у союзника – Пакистана – горький осадок остался. Американцы в очередной раз пренебрегли суверенитетом дружественной страны.

– Должен заметить, что пакистанцы тонко отомстили им, – сообщил Олег Борисович. – Один из вертолетов из-за жесткой посадки не смог взлететь. Американцам пришлось его взорвать, очевидно, в нем была секретная начинка. Неизвестно, насколько удачно они его взорвали, учитывая их спешку, но есть устойчивые слухи, что пакистанцы передали его Китаю. На радость американцам.

* * *

Николай Васильевич называл себя «китайцем русского разлива». Его родители жили в небольшом городе Казахстана, занимались мелким бизнесом – готовили и продавали еду, привлекая к труду своих детей. После службы в армии старший сын Николай перебрался в Москву, где устроился работать таксистом. С развалом СССР природная склонность к

бизнесу получила возможность полностью раскрыться. В середине 90-х годов он был одним из ведущих бизнесменов китайского происхождения.

Николай Васильевич приехал к Сергею Георгиевичу отметить пятидесятилетие знакомства. Каждый год первого августа они встречались, чтобы отметить это событие. В тот год, когда Сергей Георгиевич вынужден был покинуть университет, встреча происходила у него на даче – он редко выбирался в Москву, стараясь избегать всего, что ему напоминало об университете, ректором которого он был.

– Пить что будешь? – спросил Сергей Георгиевич.

– Немного шампанского, чисто символически, я за рулем, – предупредил Николай Васильевич.

Татьяна Александровна, накрывая стол, поинтересовалась:

– Николай, как мальчики? Как Настя? Где они сейчас?

Николай Васильевич коротко рассказал о делах трех сыновей, о супруге Насте, потом сообщил:

– Отправил их всех с тещей на море.

– Тогда, может быть, выпьешь и останешься у нас? – предложил Сергей Георгиевич.

– Не получится, дел много, да и пить я стал редко и мало.

Сергей Георгиевич не стал настаивать, помня разговор в предыдущую встречу, когда Николай Васильевич пожаловался на сердце. Татьяна Александровна, сославшись на дела, оставила мужчин наедине, и они предались воспоминаниям. Вспоминали разные случаи – серьезные и смешные, забавные и грустные, но неожиданно всплыла одна история.

– Помнишь, Сергей, был полковник, он возглавлял криминальную милицию?

– Помню. Еще его племянница у нас в университете училась. Наглая была девица. Небольшого роста, худенькая, тихая, но начиналась сессия, и она всех терроризировала, выжимая оценки. Сколько раз приходили сотрудники милиции по поручению дяди, чтобы ей поставили повышенные оценки.

– Приходили с просьбой? – поинтересовался Николай Васильевич.

– Ты когда видел или слышал, чтобы они приходили с просьбой? Наглые сотрудники угрожали всевозможными проверками, другие приходили с четко определенными требованиями и сроками их исполнения. Обычно это все происходило на уровне деканата, только два раза мне пришлось вмешиваться.

– Вот почему он на тебя зуб имел, – понял Николай Васильевич.

– Не думаю, – усомнился Сергей Георгиевич, – мы встречались пару раз, вроде все было нормально.

– Ты так думаешь? Я тебе не говорил, чтобы не расстраивать. Он пару раз подымал вопрос, чтобы я подsunул тебе взятку.

– С чего это?

– Громкое дело, шум, продвижение по служебной лестнице. Непокорных в системе не любят, – сделал вывод Николай Васильевич.

Сергей Георгиевич ничего не сказал. Он давно понял, что, будучи ректором, он не вписывался в существующую систему высшего образования. Никого не интересовали его потуги по развитию науки среди студентов, усилению роли студентов в жизни университета, воспитанию свободных личностей. Дух свободы, необходимый для науки, был опасен для чиновников министерства – в этом случае необходимо было быть профессионалом своего дела, уметь отстаивать свое мнение. Система, построенная на основе безрассудного выполнения приказов начальства, не создает передовую научную среду. Она создает серую массу псевдонаучных сотрудников, в которой легко растворяются чиновники, имеющие скромные знания и скромные профессиональные навыки. Серое хорошо растворяется в сером, создавая серую гармонию, подумал Сергей Георгиевич.

Они еще долго сидели за столом, предаваясь воспоминаниям, рассуждая о политике, мировом финансовом кризисе. Николай Васильевич всегда был уверен, что Китай будет великой державой:

– У Китая есть цель – стать первой державой мира. Все делается для этого. Посмотри, что делается с кредитами. В России очень высокие ставки, плюс скрытые откаты. На такие деньги бизнес не построишь.

– Согласен, у нас с кредитами и ставками большая проблема для малого и среднего бизнеса. Кажется, я познакомил тебя с Александром Николаевичем, у него завод растительного масла в Подмоскowie. Когда грянул кризис, правительство выделило банкам огромные средства на поддержку реального сектора экономики. Не помню, под нулевой или какой-то маленький процент. Так вот, для поддержки своего производства он брал кредит из этих денег в банке под 25 процентов и столько же откатом. Власть продемонстрировала свое трепетное отношение к экономике, а банкиры заработали огромные деньги, а главное, они вместе помогли промышленности. На бумаге.

– На бумаге, понятно. Бизнес без дешевых кредитов не развивается. В Китае все проще – государство стимулирует бизнес, а успешному бизнесу снижают проценты или списывают кредит, если вновь открытый бизнес осуществляет экспорт в Европу, США и другие страны.

– Есть цель, есть задачи. И вся государственная машина вместе с бизнесом целенаправленно работает на их реализацию. У нас в университете, в последний год моего пребывания, работал один доктор биологических наук. Он бывший военный и занимался закрытой тематикой. После развала СССР организовал собственное производство, совместно с китайцами построил завод в Китае по производству белка. Знаешь, что он отметил? Семь лет назад в Китае не было биотехнологов. За эти годы не только создали соответствующие направления в университетах, но и выпустили специалистов высокого уровня. Вот что значит государственная политика.

– А что делает сейчас этот биотехнолог?

– Не знаю, слышал, что китайцы следующие заводы построили без его участия. Кажется, заплатили, а дальше все делают сами.

– Это по-китайски, – засмеялся Николай Васильевич. – Знаешь, Запад долго пренебрегал и унижал Китай. У китайцев на уровне генов зафиксировалась тяга к знаниям и желание добиться результата. С одной стороны, систематическое унижение и пренебрежение возможностей китайского народа сыграло положительную роль – мы не стесняемся учиться, не говорим «понятно», если не вникли в суть.

– Потом внутренняя конкуренция, – продолжил Сергей Георгиевич, – она тоже играет большую роль.

– Конечно, – согласился Николай Васильевич. – Один миллиард людей ищет возможность улучшить свою жизнь. Вот где потенциал. Когда Запад переносил промышленное производство в Китай, они думали, что обеспечат себе огромный рынок реализации собственной продукции машиностроения, станкостроения, приборостроения. Но, получив оснащение и заводы, Китай стал использовать все это как стартовую базу для ускоренного развития. Не сомневаюсь, что Китай перегонит США по экономической мощи в ближайшие годы.

– Согласен, это не за горами, что так случится, понимают и в США, – заметил Сергей Георгиевич. – С финансовой мощью Китая американцы вынуждены считаться. Вице-президент США Джо Байден недавно прилетал в Пекин и выслушал от руководства Китая лекцию о том, как надо жить, когда живешь в кредит. Весьма занятная ситуация.

– По китайским телеканалам передавали репортажи о встрече премьер-министра Японии с Вэнь Цзябао, председателем Госсовета КНР, – сообщил Николай Васильевич,

который регулярно смотрел китайские телеканалы. – Приняли решение об использовании национальных валют вместо доллара в сделках между японскими и китайскими компаниями. А все идет к тому, что юань станет мировой валютой.

Разговор о политике неожиданно закончился. Стали вспоминать первую встречу, историю развода Николая Васильевича с предыдущей женой, которая наняла киллера, чтобы убрать его, ее попытки отнять часть имущества с подключением посольских сотрудников, когда пришлось вмешиваться и Сергею Георгиевичу. Жизнь за эти годы оказалась далеко не скучной. Через час Николай Васильевич собрался в дорогу. Сергей Георгиевич пошел его провожать. Возле машины они обнялись.

– Не пропадай, Николай.

– А ты держись, Сергей. Все, что случилось, уже прошло, будем рассчитывать на лучшее. Я скоро уеду на месяц-другой. Но к Новому году, как всегда, заеду.

* * *

– А Вы никогда не хотели стать политиком? – неожиданно спросил Олег Борисович.

Сергей Георгиевич удивленно посмотрел на него, немного подумал. При этом его лицо выражало некоторую растерянность, характерную для человека, который что-то долго ищет и находит это прямо перед собой.

– Если говорить честно, такого желания никогда не было. Всегда мечтал создавать ракеты и самолеты, но не осуществилось... Думаю, я мог быть хорошим юристом, а вот политиком... Может быть, одна реплика моего отца сыграла в этом роль. Мы с ним сидели дома за праздничным столом, не помню, я был старшеклассником или студентом первого курса. Отец показал мне на Брежнева, выступающего по телевизору, и сказал: «Если хочешь быть счастливым человеком, никогда не будь политиком».

Олег Борисович внимательно слушал. Когда Сергей Георгиевич закончил свой ответ, возникла пауза, которую он не стал нарушать – неожиданный вопрос поменял тему, а предлагать новую он не хотел. Инициативу взял Олег Борисович и задал еще один неожиданный вопрос:

– Повторяя слова отца, Вы употребили «счастливый человек», а не просто «счастливый». В этом есть принципиальная разница или это синонимы?

– Мне кажется, что есть. Когда мы приходим в секцию, например, борьбы, мы видим борцов. Только потом мы понимаем, что они все борцы, но эти борцы имеют разные спортивные разряды. Думаю, что по аналогии «счастливый человек» стоит выше просто «счастливого». Здесь тонкая грань, возможно, не смогу сразу и четко ее провести. Разница в мере ответственности, «счастливый» – счастлив сам по себе, для себя, а «счастливый человек» – счастлив со своим окружением, семьей, друзьями. Мне так кажется, – заключил Сергей Георгиевич.

И вновь возникла пауза. Олег Борисович осмысливал то, что сказал Сергей Георгиевич, а он думал о том, насколько удачно сформулировал свою мысль.

Сергей Георгиевич внимательно осматривал знакомую веранду. Ничего не изменилось, только появились две фотографии в рамочках. Было далеко, поэтому он видел изображение несколько расплывчато, но это было изображение дерева.

– Я смотрю, Вы повесили две фотоработы. Позвольте их разглядеть, заодно и ноги немного поразмять.

– Безусловно. Это работы Маши, – пояснил Олег Борисович, который с удовольствием присоединился к Сергею Георгиевичу.

Они стояли у первой фотографии, это была огромная сосна на возвышенности песчаного берега реки. За рекой был заливной луг, упиравшийся в лиственный лес. Поздняя

осень, на лугу преобладали желтовато-коричневые тона, лес частично поредел. Отсутствовала обычная игра света, темнота земли устремилась вверх, словно хотела отыгаться за летний сезон. Местами виднелись темно-коричневые стволы деревьев, которые незримо наступали. Река излучала холодный серый свет, а низкие свинцовые тучи, казалось, придавливали воздух. Все окружение говорило о конце – конце осени, конце жизни цветов и травы, только мощная сосна излучала силу, не признавала надвигающую зиму и пыталась пробиться через тучи к солнцу.

– Интересная работа. Кто автор? – поинтересовался Сергей Георгиевич.

– Маша, – поспешил сообщить Олег Борисович, в голосе звучали нотки гордости.

У второй фотографии он признался:

– Как-то случайно в разговоре Маша сказала, что хотела бы попробовать себя в фотографии. Поймите мое состояние, мы только с Ольгой Петровной стали жить вместе, вот я подсуетился и купил ей цифровую камеру. Скажу честно – хотел удивить, возможно, подстраховаться, наладить отношения. В первые месяцы совместного проживания с Ольгой Петровной Маша была ершистой, все норовила съязвить.

– Это понятно. Мама была ее, целиком. Все внимание уделялось только Маше, а потом наступил момент, и этим вниманием пришлось делиться. Голова понимает, а эгоизм не отпускает.

Олег Борисович, ободренный репликой Сергея Георгиевича, улыбнулся. Эта улыбка и его смущение неожиданно обнажили незащищенность этого сильного и умного человека.

– И подарок оказался к месту. Она неожиданно и так активно увлеклась, что значительно изменились наши отношения. Она стала более терпимой, сдержанной, – продолжил рассказ Олег Борисович.

– У нее появилось любимое дело, причем дело, которое требует терпения, выдержки. А работы хорошие, мне нравятся. Даже очень.

Вторая фотография была совсем иной. Две березки, очевидно, после прошлогоднего зимнего ледяного дождя, были наклонены к дороге. За лето они не выровнялись, поэтому все ветки и листья были обращены к земле.

– Смотря на эту фотографию, начинаешь думать и переживать. Что произойдет с березками: они выпрямятся и выживут или упадут на дорогу. Фотография, которая заставляет думать и переживать, заслуживает большой похвалы. Молодец Маша, явно у нее есть способности.

– Что-то мы засиделись, пойдемте в кабинет, там тоже есть фотографии, – предложил воодушевленный Олег Борисович, который с трудом сдерживал свои эмоции.

Олег Борисович и Сергей Георгиевич по коридору направились в кабинет.

* * *

Сергей Георгиевич, молодой научный работник научно-исследовательского института, шел по коридору секретного института в сопровождении сотрудника лаборатории, в которую он был командирован. Этой командировки он долго добивался, постепенно преодолевая барьеры, которые периодически возникали.

На одной научно-технической конференции Сергей Георгиевич слушал доклад двух специалистов, которые предложили новый полупроводниковый сканистоп. Во время перерыва Сергей Георгиевич подошел к ним, разговор оказался содержательным, и они быстро перешли на ты и решили продолжить его вечером в номере гостиницы.

В назначенное время он был в номере со свертком, в который находилась бутылка хорошего грузинского вина. Несколько бутылок вина Сергей Георгиевич всегда брал с собой в командировку – это позволяло быстро решать возникающие проблемы или избегать необ-

ходимости пить низкосортное или фальсифицированное вино, которое в большом ассортименте было на прилавках советских магазинов.

– Сканистор мы разработали по собственной инициативе в рамках другой большой работы, – начал разговор Андрей, который возглавлял группу разработчиков. – Предполагаем использовать в качестве полупроводниковой фотополоски, а где применять эту линейку, мы плохо представляем. Поэтому твоё предложение нас очень заинтересовало.

– Я сделал предварительные расчеты для дифференциального рефрактометра. Нам надо регистрировать смещения световой полоски на уровне микрона. Мне кажется, что линейка не потянет, – осторожно высказал своё сомнение Сергей.

– На такую чувствительность мы ещё не выходили. Попробуем её повысить, – неуверенно сказал Андрей.

– А если использовать два сканистора в дифференциальной схеме? Расстояние между ними должно быть не более миллиметра, этого требует геометрия световой полоски, а сканисторы расположим таким образом, чтобы свет перемещался не по длине, а по ширине сканистора, – предложил Сергей вариант, который придумал во время секционного заседания конференции. – Только я не знаю, как будет формироваться выходной сигнал в принципе, какая будет зависимость от перемещения.

– Сделать дифференциальный сканистор на одной подложке не представляет труда, – вступил в разговор Михаил, который отвечал за технологию изготовления. – Габариты можно выдержать, только надо будет согласовать размеры световой полоски.

Три молодых человека, увлеченных наукой и техникой, склонились над бумагами. Сергей чертил схемы прибора и определял технические требования к сканистору, а Андрей и Михаил рисовали эскиз предполагаемого сканистора и писали формулы, определяющие выходной сигнал. Поздно вечером, когда Сергей собрался уходить, Андрей высказал предположение:

– Опытный образец мы сделаем, нет проблем, не могу сейчас сказать, когда он будет в рабочем состоянии, но постараемся ускорить. Предварительные испытания лучше провести у нас, может потребоваться специальное оборудование.

Сергей согласился и был уже в дверях, когда Андрей сообщил:

– Но есть одна загвоздка – наш институт закрытый, и необходим допуск, чтобы попасть к нам.

– И ещё одна проблема. Наше руководство не любит, когда мы обсуждаем по телефону технические проблемы, лучше писать письма, – предупредил Михаил и передал Сергею листок бумаги с адресом своего института.

Сергей шел по длинному коридору вдоль дверей, снабженных кодируемыми замками; на дверях были закреплены таблички с номерами лабораторий и подразделений, к которым они относились. Понять эти наборы чисел постороннему человеку было невозможно. Что особенно его поразило, так это отсутствие людей в коридоре. Если кто-нибудь и появлялся, то он быстро, нигде не останавливаясь, исчезал. Это существенно контрастировало с тем, с чем Сергей ежедневно сталкивался в своём институте – головном Всесоюзном научно-исследовательском институте аналитического приборостроения. Встречи и разговоры в коридоре плавно получали продолжение в лабораториях и кабинетах. Такое общение позволяло оперативно обмениваться информацией, тиражировать оригинальные решения в различных типах приборов, которые разрабатывали соответствующие отделы.

В военных разработках часто использовались новейшие компоненты, которые не всегда доходили до отраслевых институтов. А если доходили, то со значительным опозданием. Для молодого научного сотрудника, который окунулся в мир изобретений и научных публикаций, возможность узнавать новости из закрытых источников открывала широкую

перспективу, поэтому он приложил определенные усилия к получению допуска к секретным материалам.

– Сергей, тебя вызывают в первый отдел, – сообщила Ира, когда он вошел в лабораторию.

– Срочно?

– Ничего не сказали, но Юрий Ильич хотел поговорить с тобой до того, как ты пойдешь туда.

Разговор между ними состоялся во время перерыва, когда они играли в шахматы. Обычно они играли в блиц, но в тот день из-за разговора, по предложению Юрия Ильича, играли без часов.

– Когда пойдешь в первый отдел? – спросил Юрий Ильич, делая очередной ход.

– После перерыва, там чтят обед, – не отрываясь от игры, ответил Сергей.

– Я хотел тебя попросить, чтобы ты подумал. Нужен тебе допуск? Ведь допуск в определенной степени ограничивает свободу. Возникнут проблемы с выездом за границу, появится бумажная волокита – отчитывайся, что видел, что читал, кому передал.

Сергей думал. Непонятно было только, над чем он думает: то ли над ответным ходом, то ли над ответом. Сделав свой ход, он ответил с обидой в голосе:

– Какая заграница? Второй год не могу купить путевку в Болгарию. Деньги есть, а путевки нет, очередь для избранных. В этот круг избранных такие интеллигенты, как мы, не входят. В рестораны, которые посещают иностранцы, я не хожу. Писать отчеты – ради бога, дело знакомое. Хоть буду в курсе современных разработок, может быть, что-то и пригодится.

Говорили на эту тему они недолго. Юрий Ильич не очень упорствовал, тем более что Сергей признал свое поражение. Очевидно, что тема разговора не позволяла глубоко вникать в ход шахматной партии.

Оформление допуска заняло несколько месяцев, в анкетах пришлось указывать не только данные на родственников, но и указывать места захоронений дедушек и бабушек. За это время Сергей и Андрей обменялись письмами за подписью своих руководителей. Оформив командировку, преисполненный особым чувством причастности к секретности, Сергей улетел в Москву. Добраться до небольшого подмосковного городка оказалось просто – автобусы шли часто. Нужная улица была на окраине, но недалеко от конечной автобусной остановки. Вид домов и сама улица не впечатлили, а пройдя метров сто, у Сергея возникло плохое предчувствие.

Серые пятиэтажные жилые дома дружно стояли друг за другом, упираясь в лес. Никакого крупного института не было видно, более того, дом с нужным номером отсутствовал. Сергей обошел несколько раз последний жилой дом, потом пошел вглубь леса, вернулся и еще раз обошел жилой дом. В этот момент его окликнул милиционер, который подъехал на патрульной машине.

– Ваши документы, молодой человек.

Сергей не стал ничего говорить, протянул паспорт. Милиционер внимательно его рассмотрел и переспросил:

– Из Тбилиси?

– Да.

– Кого ищем, что делаем?

Сергей назвал институт и адрес, где предполагал его найти.

– Дома с таким номером на этой улице нет, – сообщил милиционер. – Поедьте в отделение.

В патрульной машине Сергей ехал впервые, ощущение было гнетущим. В голове пронеслись разные мысли, но все они не способствовали поднятию настроения. Гнетущее ощу-

щение усилилось, когда он вышел из машины и милиционеры в дежурной части смотрели на него, как на преступника. Сергея в сопровождении милиционера направили к начальнику. Тот, выслушав историю с отсутствующим институтом, спросил:

– Допуск имеется?

Сергей передал ему паспорт, командировочное удостоверение и допуск. Сравнив данные, начальник вернул документы и сообщил настоящий адрес института. Увидев удивленное лицо Сергея, он уточнил:

– Это почтовый адрес, а реально институт находится с другой стороны леса, но это уже другой город и другая улица.

Сергей вышел на улицу, разочарованный началом командировки. Надо было возвращаться в Москву, а потом на электричке добираться в тот городок, где реально располагался нужный институт. Стоя на остановке автобуса, он вспомнил поговорку: «Первый блин комом». Улыбнулся, уверовав, что дальше все будет хорошо.

* * *

– Вот, посмотрите, – предложил Олег Борисович большой альбом фотографий.

В альбоме были фотографии птиц, а одна фотография нашла место на письменном столе Олега Борисовича. Сергей Георгиевич внимательно рассматривал фотографии, одновременно думая об изменениях, которые произошли с Олегом Борисовичем за прошедший год. Эти изменения, небольшие и скрытые, внешне не проявлялись, только в разговоре, эмоциях. Очевидно, это связано с изменением семейной жизни, предположил Сергей Георгиевич.

Олег Борисович не рассказывал о себе. Личный опыт общения с подобными людьми позволил Сергею Георгиевичу предположить, что он когда-то работал в разведке, возможно, в ГРУ и СВР. Круг интересов, вопросы, информация, которой владел Олег Борисович, свидетельствовали, что в последнее время он занимался аналитикой. О личной жизни Олега Борисовича известно было мало, он не любил говорить на эту тему. Не женат и не имеет детей – только это и знал Сергей Георгиевич.

В прошлом году, когда в предновогодний вечер Олег Борисович и Сергей Георгиевич долго общались, а темы не кончались, после ресторана, где было шумно, они направились к Сергею Георгиевичу, квартира которого была рядом с рестораном. Там Олег Борисович сказал фразу, которая объяснила отсутствие информации о его личной жизни:

– Личная жизнь на то и личная жизнь, чтобы не афишировать ее и не ставить в известность общественность.

Рассматривая фотографии, Сергей Георгиевич периодически поглядывал на Олега Борисовича. Он сосредоточено листал какой-то документ, но резкие и нервные движения, не свойственные ему, свидетельствовали о его волнении. Нет, подумал Сергей Георгиевич, этот мужественный человек испытывает огромное волнение и ответственность за Ольгу Петровну и Машу. Поздняя любовь, поздний ребенок, даже если ты не биологический отец, наверное, вызывает уйму эмоций, которые Олег Борисович не испытывал. И теперь, делая вид, что работает с документами, он с нетерпением ждал оценки работ Маши. В этом запоздалом чувстве отцовства было столько трогательности – он с волнением ждал оценки первого шага в жизни Маши, который она сделала с его помощью.

– Я не профессионал, но снимки мне нравятся, очень хорошая работа, – сделал заключение Сергей Георгиевич и закрыл альбом. – Можно посмотреть фотографию на вашем столе?

– Конечно, – согласился Олег Борисович, он встал из-за стола и протянул фотографию в красивой рамке. – Мне очень нравится эта синичка, она какая-то аккуратненькая, маленькая. В ней столько энергии.

Сергей Георгиевич взял в руки фотографию, внимательно рассмотрел, а потом заметил:

– Это не синица, это лазоревка. А снимок забавный.

В это время в кабинет зашла Маша, она смутилась и неожиданно стала оправдываться:

– Я была на веранде, вас там не оказалась, а я хотела спросить, что еще предложить.

– Все нормально, – успокоил ее Олег Борисович. – Ты лучше послушай новость. Оказывается мой любимый снимок – это не снимок синицы, а это лазоревка.

– Правда? Как интересно, я и не знала, кого фотографирую, – сказала Маша и приблизилась к Сергею Георгиевичу, чтобы еще раз посмотреть на фотографию.

– Лазоревка меньше синички, а главное – у нее на голове «шапочка» ярко-голубого цвета, обведенная снизу белой каемочкой, – говоря, Сергей Георгиевич проводил пальцем по головке птицы. – А у синицы «шапочка» черная.

– Вот здорово, у меня увеличилось количество птиц, которых мне удалось сфотографировать, – обрадовалась Маша. – А откуда Вы так хорошо знаете птиц?

– Орнитологией я не занимаюсь, но, когда стал жить в деревне, повесил четыре кормушки. Стали прилетать птицы. Мои ограниченные знания простого горожанина – воробей, ворона, синица, сорока – оказались недостаточными. Обзавелся книгами, определителями. Стал действовать по принципу – увидел, прибежал домой, посмотрел фотографию или рисунок, определил.

Маша почувствовала, что ей повезло – она встретилась с человеком, который мог дать ей много новой информации. Она недолго себя мучила, возбужденно спросила:

– А какие птицы прилетают к вашим кормушкам?

– Я понимаю, что говорить о воробьях, галках и синицах нет смысла. Каждый день прилетает дятел, бывают снегири, свиристели. Почти каждый день залетают сойки.

– Дятел, сойка... – от восторга Маша не смогла продолжить.

– Не простой дятел, а большой пестрый дятел, – подзадорил Сергей Георгиевич.

Глаза Маши загорелись, чувствовалось, что ее распирает любопытство. Олег Борисович это заметил и, чтобы она не отвлекала Сергея Георгиевича, предложил:

– Маша, проконтролируй, чтобы накрыли стол минут через сорок-пятьдесят, а мы, если Сергей Георгиевич не возражает, с ним прогуляемся.

День первый, полдень

Олег Борисович и Сергей Георгиевич вышли прогуляться. Сухой воздух обжег холодом и взбодрил. Надвинув на лоб шапки, приподняв воротники, мужчины медленно направились в сторону пруда. Свежий снег, выпавший с утра, по своей структуре был очень мелким и покрыл дорожку столь ровным ковром, что слепил глаза, словно кто-то зеркалом направлял солнечный зайчик. Пришлось остановиться, чтобы глаза адаптировались к отраженному свету.

– Простите меня, – извинился Олег Борисович, – я не спросил, каким временем Вы располагаете, а стал им распоряжаться.

– Все нормально, я свободен, только в семь часов мне надо быть в районе метро «Парк Победы».

– Вам надо будет заезжать к себе домой?

– Нет, необходимые документы я отправил по почте, – сообщил Сергей Георгиевич.

– Отлично, можем спокойно поговорить, потом мой водитель Вас отвезет.

Сергей Георгиевич согласился. Предложенный вариант его вполне устраивал – можно было не торопиться, а общение с Олегом Борисовичем доставляло удовольствие. Неожиданно Олег Борисович поскользнулся, но удержался. Он засмеялся, а потом прокомментировал ситуацию:

– Пригласил человека, чтобы расспросить о чем-то, но мог лишиться этого удовольствия.

– Тогда не будем откладывать задуманное, – поддержал Сергей Георгиевич.

Они прошли еще метров десять, только тогда Олег Борисович вернулся к книге:

– Должен сказать, что меня очень удивила Ваша позиция по некоторым вопросам. В частности, я не считал Вас сторонником мировой элиты или мирового правительства, как Вы пишете в книге, но в ней Вы поддержали тезис об ограничении численности населения. Меня это очень удивило.

Сергей Георгиевич остановился, ничего в его внешности не изменилось, словно он ждал этого вопроса.

– Я сам долго размышлял над этой проблемой. Можно двигаться в одном направлении, но ставить разные цели, – начал объяснять свою позицию Сергей Георгиевич.

– Но цель, по своей сути, одна – сокращение населения планеты.

– Согласитесь, что сокращение и ограничение – разные процессы, которые приводят к различным последствиям. Один процесс принудительный, другой – добровольный.

– Можно убить человека, а можно принудить его к самоубийству, – заметил Олег Борисович. – Процессы разные, но результат один.

Сергей Георгиевич засмеялся. Смеялся он тихо, по-детски, чуть прищулив глаза.

* * *

Маленький Сергей смеялся тихо, он устал, но продолжал требовать, чтобы отец с ним играл.

– Оставь его, пусть немного успокоится, – предложила мама, но не скрывала своей радости.

– Не-не-не, еще, – требовал ребенок.

Отец прикасался губами к его шее, энергично выдыхал. Было шумно и щекотно. Сергей заливался смехом. В этот момент отец приподнимал его, чтобы видеть глаза смеющегося сына, а он хватал своими ручонками его за лицо и сильно-сильно прижимался к нему.

Они были счастливы! Время не существовало, будущее было где-то далеко, было только настоящее, с которым никто не хотел расставаться.

* * *

– Вспомнил свое детство... Оно живет в наших ощущениях. Часто мы, дворовые ребята-друзья, сидели на лестнице и спорили. Иногда доходило до драки, когда защищали убеждения. Бывало, что спор шел по пустякам, а главное проходило мимо. Так и сейчас, поэтому давайте я скажу о моем представлении, в чем разница, – предложил Сергей Георгиевич. – Мировая элита, при содействии подконтрольных профессоров, ученых, определила, что необходимо сократить численность населения планеты до одного миллиарда человек. Так будет комфортно. Им и природе.

– Так называемый «золотой миллиард» определен программой Global 2000. Об этой программе впервые публично сообщил американский государственный деятель Сайрус Вэнс, – раздраженно согласился Олег Борисович. Он не скрывал своей злобы: – Населению России выделена квота в пятнадцать миллионов людей, об этом прилюдно в свое время заявляли британский премьер-министр Маргарет Тэтчер и госсекретарь США Мадлен Олбрайт.

– Точно. Один миллиард рабов – рабочих, инженеров, ученых, деятелей культуры и других, и они должны обслуживать элиту, обслуживать их и их корпорации, предприятия. Для сокращения населения используются различные методы, я не буду об этом говорить.

Олег Борисович кивнул, а потом добавил:

– Боюсь, что мы плавно вползаем в эпоху войн: больших и маленьких, скоротечных и вялотекущих.

– Согласен. Позвольте мне закончить с населением, потом я вернусь к проблеме войны. Планета Земля, как живой организм, а многие ученые уже так и думают, может выдержать без ущерба определенную нагрузку.

– Надо полагать, разговор идет о пропитании...

– ...одежде, энергии и других вещах, которые необходимы человечеству, – продолжил Сергей Георгиевич. – Очевидно, что существует реальная планка численности, после которой начнутся необратимые процессы в среде обитания. Вот почему я писал об ограничении, а сокращение населения – это путь к войне.

Они подошли к рабочим, которые убирали снег. Маленький и юркий трактор лихо врезался в небольшие горки убранного снега, подхватывал в ковш очередную партию снега, на месте разворачивался и стремительно направлялся к самосвалу. Мужчины остановились и любовались юркой работой трактора. Но очень скоро запах выхлопных газов транспорта, который особо чувствовался на фоне чистого морозного воздуха, погнал их дальше. Они продолжили свое равномерное движение, сопровождая начатым разговором.

– В прошлом году Вы предсказали, что «арабская весна» в Египте подведет черту под многолетним правлением президента Мубарака, а его преданные генералы ничего не предпримут, чтобы его защитить.

– Так и произошло, – с удовольствием согласился Сергей Георгиевич. – Его окружали не боевые генералы, а дельцы, которые подобно президенту, полностью окунулись в бизнес. Генералы не стали защищать президента, тихо сдали его, но защитили свой бизнес. Обменяли президента на неприкосновенность своего бизнеса. Братья-мусульмане, которые пришли к власти в Египте, оставили в покое генералов, но они будут ограничивать светскую жизнь, пока армия молчит.

– А завершив преобразование общества под себя, возьмутся за генералов, – предположил Олег Борисович.

– Религиозный фанатизм они усилят армией или армию усилят религиозным фанатизмом, – подвел итог Сергей Георгиевич. – Возвращаясь к проблеме войны, соглашусь, что она необходима для реализации «золотого миллиарда». И начнется она не завтра, не через неделю. Условия еще не подготовлены. Американцы не реализовали еще свой план целиком, зона, охватывающая территории от севера Африки до Пакистана, не готова – свергнуты только некоторые правители, температура конфликтов не достигла нужного градуса. Достигнув нужного накала, ситуация будет более активно разворачиваться в военную плоскость, возникнут войны разного масштаба между исламистами различного толка, включая шиитов и суннитов.

– Это Ваш прогноз? – спросил Олег Борисович.

– Можно и так сказать, но я почему-то думаю, что Вы так же думаете. Американцы со своими вассалами не упустят возможность резко сократить население в регионе, численность в котором быстро увеличивается.

Олег Борисович молчал. Когда прозвучало слово «война», он остановился. Выражение лица было обычным, ничего не изменилось, только на какое-то мгновение взгляд стал рассеянным. Возможно, он что-то вспомнил, подумал Сергей Георгиевич и перестал говорить.

Олег Борисович глубоко вздохнул, посмотрел на небо, резко выдохнул и неожиданно заключил:

– Маленькие ручейки питают большую реку, а маленькие конфликты формируют большую войну.

* * *

Каждая, даже маленькая, война опирается на большую беду людей. Много людского горя видел Олег Борисович, выполняя тайные поручения руководства в различных горячих точках Ближнего Востока. Но выражение глаз маленькой девочки он не мог забыть очень долго. О войне можно много и ярко писать, чтобы передать весь ужас, но можно один раз посмотреть в глаза той маленькой девочки, чтобы ощутить и никогда не забыть последствия войны.

Ближний Восток – бочка пороха с зажженным фитилем. Маленькие межклановые стычки сменяются межконфессиональными, которые стимулируют межгосударственные столкновения. Наиболее полно всю эту оружейную чехарду можно было наблюдать в Ливане, где тогда оказался Олег Борисович.

Он сидел за маленьким столиком небольшого ресторана, выходящего на улицу. Тент накрыл столик тенью, но не спасал от жары. Холодное пиво казалось эликсиром жизни и блаженно растекалось по телу. Олег Борисович прикрыл глаза, вытянул ноги и периодически прикладывался к кружке. В это время к столику подошла пара относительно молодых людей, которые спросили разрешения присесть. Продолжая наслаждаться ситуацией, Олег Борисович молчаливо кивнул.

Пара оказалась весьма болтливой. За все время, которое потребовалось на то, чтобы сделать заказ, выпить кофе и расплатиться с официантом, они ни разу не замолчали. Говорили о кошке и собаке, о болезни, которая неожиданно обнаружилась у собаки, необходимости ее срочно показать ветеринару. Говорили быстро, иногда перебивали друг друга. Информационный поток мог оглушить любого постороннего, поэтому Олег Борисович продолжал находиться в полусонном состоянии, ни разу не открыл глаза и не посмотрел на подсевшую пару, лишь иногда механически подносил к губам пиво.

Пара неожиданно замолчала, вежливо попрощалась и растворилась в знойном воздухе улицы. Наступила тишина, которая доставляла огромное удовольствие. В этой тишине

Олег Борисович прокручивал весь разговор недавних соседей, связывая кодовые слова в предложения.

Поступил приказ срочно вывезти одного человека из района, где шли боевые действия. В назначенное время на юге Ливана европеец-коммерсант, спасая имущество своего магазина от боевых действий, загружал автомобиль коробками оргтехники. Ему помогал араб, которого предстояло вывезти. Все выглядело натурально. Грузеный техникой автомобиль ничем не выделялся в потоке беженцев, автомобили которых были забиты домашним скрабом и вещами. Поток медленно двигался в сторону границы. Стрельба постоянно усиливалась, местами заглушалась канонадой тяжелых орудий.

Переехав границу, на которой пришлось оставить часть техники в качестве откатных, чтобы не стоять в очереди на пропускном пункте, Олег Борисович проехал километров пятьдесят и в гостинице небольшого городка незаметно передал своего подопечного по этапу. Полностью избавившись от техники, отдав ее за полцены в ближайшем магазинчике, Олег Борисович направился обратно.

Поток машин и пеших, покидающих юг Ливана, резко усилился. Обратно возвращалось небольшое количество машин, в основном это были такси. Возвращающие машины не досматривали и пропускали через границу без задержки. Чем дальше отъезжал Олег Борисович от границы, тем плотнее становился поток людей, убегающих от войны. Они несли в руках сумки и маленьких детей – все ценное, что могли позволить себе взять.

Неожиданно люди, идущие по улице, исчезли, разбитые снарядами и изрешеченные пулями дома пугали своей обнаженностью. Груды бетона и кирпича завалили тротуары. Серая пыль частично осела, вытравив все другие цвета на руинах зданий. В воздухе пыль создала суспензию, которая не пропускала солнечный свет.

Гнетущая пустота напрягала. Автомобиль Олега Борисовича был единственным на всей улице и представлял удобную мишень для снайпера. Быстро едущая машина могла вызвать повышенный интерес, поэтому преодолевая напряжение, он ехал медленно, стараясь не думать о возможном снайпере.

Что-то черное мелькнуло среди развалин на тротуаре. Подъехав ближе, он увидел лежащую женщину, очевидно, погибшую, и маленькую девочку, лет пяти, которая сидела на тротуаре, поджав коленки. Инстинкт самосохранения подсказывал, что не следовало останавливаться, но какая-то неведомая сила тянула его к этой девочке. Он остановил машину, но двигатель оставил работающим, осторожно вышел и направился к девочке.

Женщина лежала в странной позе и не двигалась. Девочка сидела рядом, обхватив колени двумя руками, положив голову на колени, и смотрела куда-то в бесконечность, не моргая и не плача. Когда Олег Борисович подошел, она не среагировала, тогда он присел рядом с ней. В этот момент он увидел ее глаза, назвать их глазами в обычном смысле было нельзя. Там были только сильно расширенные черные зрачки.

Какую боль надо было испытать, подумал Олег Борисович, когда увидел эти глаза. Профессионализм разведчика торопил его, но человечность не позволяла ему уйти. Сколько времени они просидели рядом в тишине, он не знал, но надо было уходить. Олег Борисович встал, молча, ничего не говоря, поднял девочку и понес ее на руках, не ощущая ее веса. Она не реагировала и молчала.

Автомобиль Олег Борисович решил оставить – с ребенком на руках было меньше шансов получить пулю снайпера, чем в автомобиле. Сделав несколько шагов, он остановился. Улица казалась бесконечной. Зловещая тишина нависла над всей пыльной улице. Напряжение росло с каждым шагом. Резко повернув, Олег Борисович направился к машине, уложив девочку на заднее сиденье, он резко нажал на газ. Снайпер, если он еще работал на этой улице, имел возможность выстрелить много раз. Но он этого не сделал – то ли его не было,

то ли девочка и случайный мужчина его не интересовали. Но испытывать судьбу не следовало, надо было срочно убираться прочь.

Автомобиль стремительно набрал скорость и преодолел разбитую улицу. Сразу за поворотом начинался другой мир – мир целых зданий, зеленых деревьев и тишины, где не стреляют. Напряжение не прошло, теперь была другая причина – надо было передать девочку в одну из гуманитарных организаций.

Принимала девочку пожилая женщина, которая ничего не спрашивала, только нежно обнимала и целовала ее. Олег Борисович прижал эту незнакомую девочку и постарался передать все тепло души, которую он мог себе позволить. Удаляясь от приюта, он все еще видел большие глаза маленькой девочки, скованные гигантской болью и опустошенными несправедливостью жизни.

Глаза маленькой девочки, в которых были только предельно расширенные зрачки...

* * *

– Когда война затронет Пакистан, надо будет ждать большой беды. Найдутся политики, которые перекинут огонь и на Индию, – предположил Сергей Георгиевич.

– Этот конфликт может быть очень опасным, горячие головы могут применить атомное оружие, – продолжил разговор Олег Борисович. – Специалисты оценили последствия такого варианта развития конфликта. Предполагается, что в глобальном вооруженном конфликте будут участвовать до ста миллионов людей, а людские потери составят несколько сот миллионов человек.

– Вот и реализация части плана сокращения населения.

Звук приближающегося автомобиля вынудил мужчин прекратить разговор, остановиться и отойти от проезжей части. Мимо проехал самосвал со снегом, оставляя следы протекторов на снегу. Олег Борисович проводил взглядом удаляющийся самосвал, потом посмотрел на оставленные им следы и неожиданно заметил:

– Водитель и не думает, что его самосвал оставляет следы. Все мы редко думаем об этом, но свои следы в летописи времени оставляем. Недавно ко мне обратился один журналист, он готовит сценарий документального фильма о Чаломее Владимире Николаевиче.

– Кажется, он был конструктором орбитальных станций? – спросил Сергей Георгиевич.

– Да, он разрабатывал межконтинентальные баллистические ракеты, крылатые ракеты и орбитальные станции. С ним враждовал бывший министр обороны Устинов Дмитрий Федорович. Какая-то кошка между ними пробежала, была личная обида. И Дмитрий Федорович порой опускал шлагбаум перед разработками Чаломея. Так был прекращен проект «Алмаз» и кое-что другое. Не будь этого, возможно, и расстановка лидеров в освоении Луны была другая. Не думаю, – заключил Олег Борисович, – что Дмитрий Федорович думал оставить и такой след, но так случилось.

* * *

Так случилось, что несколько человек, к которым Сергей Георгиевич относился очень хорошо и считал их порядочными людьми, в определенной ситуации повели себя весьма непорядочно, и с ними пришлось расстаться. Финансовый ущерб, который нанес Рафик, был небольшой, и про него можно было забыть, только...

– Сергей, днем звонил Рафик, хотел с тобой поговорить, – сообщила Таня, когда он вернулся с работы.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, собирается в Тбилиси. Вечером зайдет, – предупредила Таня. – Я уже готовлю ужин, а вино сам выбери.

– Это замечательно, я в последнее время думаю, как маме переправить деньги. Спрошу, может быть, он отвезет деньги. Когда наладится нормальная связь и можно будет спокойно переводить деньги через банк? – риторический вопрос Сергея Георгиевича не был предназначен супруге, но она ответила:

– Когда-нибудь, а пока ищи варианты.

Стол был почти накрыт, когда раздался звонок домофона.

– Сергей, открой дверь, у меня мясо подгорает.

Сергей встретил Рафика радушно. Они познакомились у Сергея Дарчоевича лет семь назад. Часто встречались у него, потом и у каждого дома – по праздникам, дням рождения и просто по настроению. Постепенно дружеские отношения переросли в деловые. Перестройка, которую затеял Горбачев в Советском Союзе, позволила организовывать небольшие производства. Воспользовались этим и Сергей Дарчоевич, Сергей Георгиевич и Рафик. Выпускали трикотажные майки и тенниски с нанесенными на них рисунками. Рафик руководил производством, Сергей Дарчоевич финансировал, а Сергей Георгиевич осуществлял контроль доставки и реализации товара в Москве, Ленинграде и других городах, перевозил деньги. Тогда и состоялась его первая встреча с криминальным миром.

Середина 80-х годов, интересное время. Сергей Георгиевич, заведующий научно-исследовательской лабораторией, в пятницу, после окончания рабочего дня, вылетал по своим кооперативным делам. Возвращался он поздно вечером в воскресенье или рано утром в понедельник. Насыщенное событиями время поездки включало встречу с сотрудниками аэропорта и бандитами, которые брали дань за пропуск товара, водителями, товароведами, бухгалтерами и директорами магазинов. Но были и случайные встречи с простыми людьми со своими незатейливыми заботами, проблемами низкой зарплаты, дефицита продуктов питания, отсутствием мест в детских садах. Эти люди составляли суть Советского Союза и будущей России, в них следовало искать секреты «русской души». Обескураживающая простота, моментами поражающая наивность, вера в то, что их предало, и чистота души – все это вдохновляло и вселяло надежду на будущее. Об этом Сергей Георгиевич хотел когда-нибудь написать.

Поездки изматывали, но уровень жизни семьи резко вырос. Ничего не предвещало осложнений. Лишь однажды у Сергея Георгиевича возникло подозрение:

– Сергей, с последней партией какая-то неразбериха.

– Что-то серьезное? – Сергей Дарчоевич напрягся. – Пойдем в лоджию, спокойно посидим, пока Таня и Лара накроют стол.

За небольшим столом у открытого окна они продолжили разговор:

– Перед отъездом, в четверг вечером, я проверил товар, его стали упаковывать. Прилетаю в Кустанай, распаковываем груз, а там половина другого, дешевого, причем много бракованного. Пришлось задарма оставлять. Ситуацию сгладил, договорился, что еще поставим. Но вся поездка сработана в минус.

– Ты говорил с Рафиком? Что он сказал? – спросил Сергей Дарчоевич.

– Говорит, что случайно спутали, когда упаковывали груз, – с долей сомнения произнес Сергей Георгиевич.

– Бывает, – раздосадованно сказал Сергей Дарчоевич, – придется списать убытки. Ты посчитай все.

– Убытки не только в этом. Оказывается, он договорился по дешевке отдать некондиционный продукт, а отдал хорошую продукцию. Говорит, что вернуть не может, продавец не знает.

На одной чаше были убытки, на другой – многолетняя дружба. Тезки переглянулись, для них деньги никогда не были главным, а обвинить в преднамеренности они не могли. В это время вошла Таня и позвала к столу:

– Пошли, Лара накрыла стол, только захватите «Боржоми».

С тех пор ничего не напоминало о том эпизоде. Жизнь раскидала многих тбилисских знакомых после кровавых событий 1992 года, когда отряды «Мхедриони» свергли президента Звиада Гамсахурдию. Поэтому визит Рафика обрадовал Сергея Георгиевича.

Они иногда созванивались, коротко сообщали о рабочих моментах, семейных проблемах. Поэтому первая встреча после нескольких лет разлуки затянулась, обсуждали разные подробности, в том числе и работу Рафика.

– В Саратове ты оказался случайно? – спросил Сергей Георгиевич.

– Нет, там живут дальние родственники жены, с их помощью открыл цех по пошиву обуви. Когда-то я с этого начинал, если помнишь.

– Конечно, помню, я застал время, когда еще функционировала обувная артель. Тогда ты работал слевой и Сергеем, – вспомнил Сергей Георгиевич.

Они сидели за столом, вспоминали разные эпизоды тбилисской жизни, отмечая отдельные моменты соответствующим тостом. За столом царил забытый дух старого тбилисского двора, беззаботного застолья, ощущения молодости. В конце разговора Рафик неожиданно предложил:

– Я собираюсь в Тбилиси, должен забрать деньги на развитие цеха. Тебе ничего не надо будет отправить в Тбилиси? Я могу отвезти.

Сергей Георгиевич обрадовался и попросил передать маме четыре тысячи долларов, которые пересчитал и передал Рафику.

Через несколько дней в разговоре с ней Сергей Георгиевич узнал, что Рафик не звонил и, естественно, что ничего не передавал. Первая мысль, которая пришла ему в голову – с Рафиком что-то произошло, поэтому Сергей Георгиевич обратился к Сергею Дарчоевичу, но и он ничего не знал. Прошло более месяца, позвонил Сергей Дарчоевич и сообщил:

– Звонил Рафик.

– И что сказал?

– У него были долги, твои деньги он отдал на покрытие долга.

Сергей Георгиевич долго не мог найти нужные слова. Потом грустно спросил:

– Если нужны были деньги, что же он не попросил?

– Черт его знает, ничего не пойму. В Саратове, наверное, совсем одичал.

Они еще поговорили, но гнетущее чувство усиливалось. Злость быстро перешло в обиду, а потом разочарование растворилось в устойчивом чувстве отворачивания. Отворачивание – так люди всегда определяли свое отношение к предательству. Не деньги беспокоили Сергея Георгиевича, не их он вспоминал – это была не первая и не последняя потеря. К этому можно привыкнуть или научиться, чтобы не остро реагировать на потери. Нельзя привыкнуть лишь к ситуации, когда вычеркиваешь людей из числа своих друзей. Вычеркивая человека, ты вычеркиваешь часть своей жизни.

* * *

– Вернемся к книге, – предложил Олег Борисович, – если не возражаете.

– Естественно. Замечательный день, небольшой мороз, свободное время, приятная компания. Почему не поговорить?

– Спасибо, приятно слышать. Я, возможно, повторюсь, но меня удивили некоторые Ваши выводы. В частности об ответственности. Мне показалось, что Вы готовы судить всех политиков и финансистов.

– Не согласен. Жаль, что я, возможно, неудачно написал этот раздел, – смущенно ответил Сергей Георгиевич.

– Это я приукрасил, слишком обобщил, – поспешил внести уточнение Олег Борисович.

Сергей Георгиевич не сразу пояснил свою позицию. Олег Борисович даже заволновался, не обиделся ли Сергей Георгиевич? Они продолжали размеренно шагать по заснеженной дороге. Каждый шаг сопровождался специфическим скрипом, который нельзя спутать с другим звуком.

– Мы слышим скрип, – неожиданно заговорил Сергей Георгиевич, – но никогда не думаем, что он создается звуком ломающихся иголок снежинки. Мельчайшие незаметные иголочки создают этот шум. Когда говорят о мировом финансовом кризисе, государственных долгах, неэффективном использовании бюджета и другом – все это только скрип, последствия. А механизмы и действия остаются чаще всего в тени.

– Со скрипом разобрались, а вот со снежинками – не очень, – попытался перевести разговор в более легкую форму и нарушить некое напряжение, которое, как предполагал Олег Борисович, возникло по его вине.

Сергей Георгиевич улыбнулся, очевидно, он сам смущался роли буки, в которой неожиданно оказался.

– Надо полагать, что снежинки – это налогоплательщики? – продолжил Олег Борисович.

– Да, те самые люди, которых кое-кто хочет сократить до одного миллиарда.

– Правильно, чем меньше снежинок, тем меньше скрипа.

– И меньше шума, выдающего тайные причины. Например, события в Ливии. С чего это вдруг французский президент Саркози забеспокоился о несовершенной демократии в африканской стране, когда он за пару месяцев до вторжения обнимался с Муаммаром Каддафи и хвалил его. Что такого произошло, что он неожиданно обнаружил нарушения демократии?

– Кто-то напомнил ему, что у Каддафи есть документы, подтверждающие, что руководитель несовершенной демократии оплатил его избирательную кампанию, – внес уточнения Олег Борисович.

– Вот и причина, а цель ясна – уничтожить самого Каддафи, его окружение и документы. Народу повесили лапшу на уши с демократией, провели военную операцию, транснациональным компаниям передали контракты на углеводородное сырье, а политики получили откаты и дивиденды. В какую сумму обошлась операция?

– По некоторым данным, США потратили один миллиард долларов, Франция – триста миллионов евро.

– Вот, налогоплательщики будут оплачивать эти суммы, а кое-кто решил свои проблемы, кое-кто крупно заработал.

– И тех, кто осуществил это, надо судить?

– Точно, – согласился Сергей Георгиевич. – Судить надо тех, кто организовал и авансировал. И в этот список попали бы бывший президент США Джордж Буш-младший и Дик Чейни за вторжение в Ирак. Сами вооружали, ничего не видели, а когда понадобилось, стали искать оружие массового поражения, которого не было. Захватили нефтяные ресурсы, развалили страну, привели к власти марионеток, коррупционеров. Погубили людей в сотни, тысячи раз больше, чем Саддам Хусейн за все годы своего правления. Кто несет ответственность за уничтоженную страну, сирот?

– Американские военные многих погубили. Когда они столкнулись с серьезным сопротивлением в Ираке, когда в городах стали подбивать хваленые американские танки старыми советскими гранатами, выпущенными лет сорок назад, они не задумываясь применили бомбы с белым фосфором, – сообщил Олег Борисович.

– Как их не судить? Ведь применение бомб с белым фосфором запрещено по международным соглашениям.

– А кто будет судить? – поинтересовался Олег Борисович. – Гаагский международный трибунал?

– Не будем говорить о карманных трибуналах, которым придали видимость независимости. Но история с бомбами всплыла? Всплыла, и не думаю, что руководство США и Пентагона горело желанием поделиться с мировой общественностью сенсационной новостью: мы успешно применили против населения бомбы с белым фосфором.

– Должен сказать, что информация просочилась, но не получила должного освещения – крупные мировые СМИ промолчали или опубликовали ее так, что никто не заметил.

– Мы все время отвлекаемся, и я не могу закончить тему. Позвольте, я поставлю точку в этом вопросе, – предложил Сергей Георгиевич. – Ясно, что за все платят простые люди, которые не принимают никакого участия в принятии важнейших решений.

– Не могу согласиться, – возразил Олег Борисович. – Народ избирает президента, парламент, сенат или конгресс и передает им право действовать от своего имени.

– Но в лучшем случае им передают такое право тридцать процентов населения.

– Каким образом?

– А я считаю тех, кто не принял участие в голосовании, и тех, кто был против. Обычно это составляет шестьдесят-семьдесят процентов. Получается, что представитель меньшинства решает вводить войска, бомбить или выбрасывать огромные суммы на сомнительные проекты. Надо учесть, что и среди самого меньшинства могут быть противники. Вот и набегает в лучшем случае процентов тридцать сторонников решения власти.

– И поэтому в книге Вы предлагаете проведение референдумов по всем важным вопросам?

– Да. Сошлюсь на опыт Швейцарии. Там очень часто проводят референдумы и в этом не видят ничего сложного, зато есть четкое понимание мнения народа. А в условиях Интернета электронные референдумы можно проводить хоть ежедневно.

– Это при условии, что каждый избиратель имеет доступ к Интернету и решена проблема посторонних в систему голосования, включая подмену голосов, – отметил недостатки предложенного решения Олег Борисович.

– А я не говорю, что завтра все должно функционировать. Я только определил цели, направления. Надо ставить и решать технические задачи, чтобы в ближайшее время использовать итоги референдумов для принятия решения.

– Вы не считаете, что в таком случае политики теряют определенную долю своей значимости? – спросил Олег Борисович.

– Возможно, но я не вижу в этом ничего плохого. Политики уже много чего натворили. Пора их спускать с небес на землю, вернуть к основе жизни.

– Какой?

– Они «слуги народа» и реально такими должны стать. Потерянная доля их значимости повышает значимость народа, а политикам добавится ответственность – ответственность за принимаемые решения, которые будут под пристальным вниманием.

– Надо полагать, что все это относится и к нашим политикам? – предположил Олег Борисович.

– Естественно. У нас отсутствие ответственности перед народом особенно чувствуется, а механизмы принимаемых решений скрыты от народа семью печатями.

* * *

– Что делаешь? – спросила Татьяна Александровна, заглянув в кабинет мужа.

– Смеюсь.

– Что-то не похоже. Странно смеешься.

– У нас такая жизнь, странная. Особенно когда делаешь выводы, – заключил Сергей Георгиевич.

– Может быть, пойдем ужинать, а ты расскажешь, почему беззвучно смеешься, – предложила Татьяна Александровна.

– Не бойся, в моем случае психушкой не пахнет, – предупредил Сергей Георгиевич.

– Тогда точно надо будет поест.

За столом они сидели вдвоем. Наташа с Мариком были в Москве, поэтому было непривычно тихо и спокойно. За десятилетия совместной жизни они научились ценить и наслаждаться жизнью, а в последний год – наслаждаться тишиной после шумных игр внука. Наслаждаться его смехом и грохотом – после привычной тишины.

– Так что тебя так сильно рассмешило?

– Одна мысль.

– Поделись.

– Без проблем. Я пришел к выводу, что Россия виновата в мировом финансовом кризисе.

– Ты только это американцам не говори, уж больно сильно обрадуются, – порекомендовала Татьяна Александровна, – и от России потребуют компенсации.

– Обещаю. Слушай, я сейчас тебе изложу ход мысли. Готова?

– Давай я налью тебе чаю, чтобы не отвлекаться.

Они сидели за столом, Татьяна Александровна смотрела на супруга, на его лукавые глаза. Только она знала, что этот серьезный человек, редко смеющийся, сохранил глубоко в себе детство, умение по-детски дурачиться. Это выражение глаз было прелюдией предстоящего озорства.

– Излагаю мысль. Постой, Таня, почему мы пьем скучный чай – чай с печеньем, когда рождается такая мысль? – удивленно спросил Сергей Георгиевич.

– Говори конкретно, что предлагаешь?

– Накрой стол, а я пойду и выберу в винном шкафу что-нибудь интересное.

– Опять лишние калории на ночь, – наигранно проворчала Татьяна Александровна.

– Не переживай, это у нас бывает нечасто, а потом, помнишь притчу про серьезного человека?

– Напомни.

– Жил серьезный человек, отказывался от маленьких радостей, готовя себя к великим свершениям. Однажды, когда он шел по улице, упал кирпич, прямо на него. Не успел он сделать что-то великое, а себя лишил простых радостей.

– Согласна, только выбери белое вино.

За столом царила атмосфера легкой иронии, что соответствовало ситуации и настроению. Сергей Георгиевич продолжил в шутливой форме излагать свой вывод:

– Были США, американцы, белые и пушистые. В какой-то момент разваливается СССР, и появляется Россия с новоиспеченным президентом Ельциным и специфической командой.

– А в чем специфичность команды? – поинтересовалась Татьяна Александровна.

– Все члены команды человеколюбцы, гуманисты. Гуманизм в том, что они помогли рабочим – зачем им быть совладельцами предприятий и морочить себе голову мыслями о производстве. Забрали себе предприятия и освободили рабочих от головной боли. Человеколюбие в том, что когда они берут деньги в кредит, они не могут просто повернуться и уйти. В знак внимания они обязательно часть денег оставляют тем, кто их дал в займы.

– А при чем тут американцы?

– Это были входные данные. Теперь слушай, как все произошло. Россия остро нуждалась в деньгах. Американцы, святые люди, не пожалели и предоставили России кредит. Наши в конверте вернули им часть.

– Откат? – спросила Татьяна Александровна.

– Это грубо, но будем считать, что да. Что делать американцам с этими деньгами? Стали закупать недвижимость. Им понравилось, а тут команда Ельцина еще просит денег, но не для России, а так, для себя на карманные расходы, но под гарантии России. Еще привалило денег американцам, они опять купили недвижимость. И так много раз. В результате цены на недвижимость в США резко возросли, и нагрянул ипотечный кризис в США, который потянул за собой и знаменитый финансовый кризис.

Они еще долго сидели за столом, иногда шутили, иногда говорили серьезно о проблемах, строили планы на будущее. Очередной день стремительно заканчивался, и Татьяна Александровна предложила:

– Пойдем спать.

Сергей Георгиевич лукаво и загадочно сказал:

– Прошу заметить, не я предложил...

* * *

– Вы, Сергей Георгиевич, мне кажется, человек очень мирный, а в книге проявили агрессивность. На Вас это не похоже, – заметил Олег Борисович.

– Я мирный человек, подтверждаю. Таким был и когда писал книгу. Я говорю лишь об ответственности. Любой политик должен чувствовать ответственность за свои действия и решения. Политики приходят и уходят, натворят и уйдут на заслуженный покой. Только они должны знать, что заслуженный покой надо у народа заслужить, тогда случайные и недостойные люди не будут рваться во власть, политику.

– Я понимаю так, что тень «отца народов» должна присутствовать в кабинетах политиков, банкиров и промышленников, – пошутил Олег Борисович.

– Тень Сталина или Лаврентия Павловича нежелательна, а тень народного суда, осуждения – да. Ответственность перед народом, а не перед элитой, – вот чего я хочу. Важно не посадить политика, важно ему объяснить, что он слуга народа, а не народ у него в услужении, и он отвечает перед ним.

– Идея понятна, но в политике не все прямое реализуемо.

– Вот и Вы заговорили афоризмами, – радостно заметил Сергей Георгиевич. – Но в политике многое не реализуется только потому, что элита не видит в этом своей выгоды.

Неожиданно из-за поворота появился английский бульдог, упитанный, холеный. Он чуть приостановился, настороженно посмотрел на мужчин и продолжил движение в их сторону. Сергей Георгиевич и Олег Борисович остановились. У ног Олега Борисовича бульдог на мгновение остановился, лениво понюхал его ботинки, что-то проворчал. На Сергея Георгиевича он не отреагировал, только мельком бросил томный взгляд и продолжил свое движение.

– Черчилль! Что с тобой? Давай поговорим, – предложил Олег Борисович.

Но Черчилль, так, очевидно, звали собаку, продолжал удаляться на крейсерской скорости, максимальной для себя, которую позволяла развить конструкция его телосложения. Из-за поворота вышла женщина небольшого роста, одетая в дорожную шубу. Шла она медленно, вальяжно, с удовольствием подставляя лицо редким лучам солнца, которые пробивались сквозь разрывы в тучах.

– Добрый день, Ольга Михайловна! Что случилось с Черчиллем? Он не пожелал даже остановиться.

– Добрый день, Олег Борисович! Обиделся мой Черчилль, плюнул на все и полетел, если говорить образно, домой.

Сергей Георгиевич стоял в стороне и с интересом рассматривал женщину. Поднятый воротник, прищуренные от солнца глаза, легкая протяжность в разговоре и тонкий аромат духов создавали образ хрупкой женщины. Но один брошенный взгляд на незнакомца, взгляд пронзительный и оценочный, свидетельствовал, что эту хрупкую женщину следует отнести к хищницам. Этот взгляд заметил и Олег Борисович, но оценил его иначе – решил познакомиться:

– Познакомьтесь, мой коллега Сергей Георгиевич.

Сергей Георгиевич и Ольга Михайловна обменялись любезностями, а Олег Борисович решил прояснить ситуацию с собакой:

– Что или кто его обидел Черчилля?

– Ворона! Никогда не видел такую наглую птицу. Сидела на ветке, увидела Черчилля и решила его прогнать – стала налетать на него, а потом клюнула его в заднюю лапу. А он так расстроился, что от обиды бросил меня и понесся домой.

Поговорив еще немного, Ольга Михайловна пошла догонять Черчилля, а мужчины продолжили свою прогулку, обсуждая Черчилля:

– Вы обратили внимание на его взгляд? – поинтересовался Олег Борисович.

– Да, какая-то надменность, словно люди – это объекты второго сорта.

– Надменность, точно отмечено.

* * *

Он, Анатолий Чубайс, главный «приватизатор» России 90-х годов, сидел в телестудии и надменно смотрел на присутствующих. На канале «Россия» шла передача, посвященная двум самым непопулярным реформаторам XX века – Хрущеву и Гайдару.

Появление Анатолия Чубайса на телеканале вызвало удивление у Сергея Георгиевича – Чубайс редко давал интервью и еще реже появлялся на экране телевизоров. Столь необычное событие Сергей Георгиевич не мог пропустить. Воспользоваться моментом решили и ведущие программы Сергей Кургинян и Николай Сванидзе, которые не могли не обратиться к проблеме приватизации в связи с двадцатилетним юбилеем.

Чубайс отвечал спокойно, несколько снисходительно, словно уставший бонза, вынужденный разговаривать с малограмотными и малопонимающими людьми в силу каких-то обстоятельств. Он подробно расписывал механизмы стихийного хищения государственной собственности, беззаконие и слабость государства.

Сергей Георгиевич слушал уверенную речь главного «приватизатора», но эта уверенность и жесткость изложения настораживала, вызвала недоверие, словно слышишь заученную речь, чтобы что-то скрыть. Вор кричит: «Лови вора!», коррупционер ругает коррупцию и первым записывается в антикоррупционный штаб, педофил утверждает, что заботится о детях, депутатское лобби составляет закон и оставляет в нем зияющие дыры, чтобы его обходить. В этом мире все старо. Ничего не меняется, может быть, только время.

Слушая эту убежденную речь, Сергей Георгиевич независимо от себя вылавливал логические нестыковки, вынужденные признания. Можно было не сомневаться, что на следующий день в СМИ будут хлесткие заголовки с вариацией единственной темы: «Анатолий Чубайс признал, что приватизация была нечестной!» Но совершенно другая фраза впиалась в память: «...чтобы ваши законы как-то более или менее, хоть чуть-чуть укладывались в тот состав интересов, который в стране есть». Какой диапазон неопределенности! Кто определяет «состав интересов»?

Факир-практик преобразовался в факира-теоретика, который объясняет народу, как надо понимать действия факира-практика, и дает ему высокую оценку. Жаль, что ему не удалось загипнотизировать всех, чтобы внушение осталось на подсознательном уровне.

Что скрывал факир-практик и не договаривал факир-теоретик? Практик скрывал, что есть виды собственности, которые можно было использовать в России, например, программу участия сотрудников в акционерном капитале своей компании (ESOP), широко используемую в США. А теоретик не упомянул возможность использования шведской экономической модели, которая является социально-ориентированной, что очень подходило для российской экономики, унаследовавшей от СССР экономику с явно социальным укладом. Факир, который всегда что-то скрывает, скрывает главное – цель и метод.

Слушая Анатолия Чубайса, Сергей Георгиевич невольно сравнивал его со старшим братом – Борисом Чубайсом, философом, который несколькими днями ранее выступал по каналу «Культура». Взвешенная речь, в которой слушатель ощущал себя непосредственным участником. Два брата, которые не говорят друг с другом. Как все знакомо! Белые и красные, белый террор и красный террор – страницы нашего государства, и жаль, что наши соотечественники продолжают эту историю на расколе.

Неужели, приватизируя собственность, Анатолий Чубайс и безответственная команда Ельцина предполагали, что это забудется? Почему, когда говорят о приватизации, говорят только о новых собственниках, а не о тех миллионах граждан, которые лишились своей части собственности на богатства недр и ресурсов огромного государства? Почему не говорится об экономическом и моральном терроре, геноциде, когда население России сокращалось на миллион жителей в год? Это тоже результат проведенной приватизации.

Сергей Георгиевич сотни раз задавал себе эти вопросы. На них не будет ответов. Вопрос предполагает, прежде всего, честный ответ, а он не может быть без покаяния перед народом. Может быть, тогда и народ простил бы? Кто знает русскую душу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.